

ΑΓΙΟΣ ΧΡΥΣΟΣΤΟΜΟΣ

**ΒΙΒΛΙΟΘΗΚΗ
ΤΩΝ ΚΛΑΣΣΙΚΩΝ ΚΑΙ ΘΕΟΛΟΓΙΚΩΝ ΚΕΙΜΕΝΩΝ
ΤΕΥΧΟΣ 1**

Святой Златоуст

Библиотека классических и богословских текстов

**ΤΟΥ ΕΝ ΑΓΙΟΙΣ ΠΑΤΡΟΣ ΗΜΩΝ
ΙΩΑΝΝΟΥ ΤΟΥ ΧΡΥΣΟΣΤΟΜΟΥ
ΠΡΟΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΝ ΜΟΝΑΖΟΝΤΑ
ΠΕΡΙ ΚΑΤΑΝΥΞΕΩΣ
ΛΟΓΟΣ ΠΡΩΤΟΣ**

**СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ИОАННА ЗЛАТОУСТА
К ДИМИТРИЮ МОНАХУ
О СОКРУШЕНИИ
СЛОВО ПЕРВОЕ**

Слова о душевном сокрушении написаны св. Иоанном Златоустым по просьбе благочестивых и близких к нему монаха Димитрия и Стелехия, в конце 374 или в начале 375 года по Р. Х., когда он сам, по посвящении в церковного чтеца св. Мелетием, епископом антиохийским, поселился в обители иноков, проводивших подвижническую жизнь на смежных с Антиохиею горах.

**ΠΡΟΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΝ ΜΟΝΑΖΟΝΤΑ
ΠΕΡΙ ΚΑΤΑΝΥΞΕΩΣ ΛΟΓΟΣ ΠΡΩΤΟΣ.**

**К ДИМИТРИЮ МОНАХУ
О СОКРУШЕНИИ СЛОВО ПЕРВОЕ**

α. Ἐγὼ σε ὄρων, ὦ μακάριε Δημήτριε, συνεχῶς ἐγκείμενον ἡμῖν, καὶ μετὰ πολλῆς τῆς σφοδρότητος τοὺς περὶ κατανύξεως ἀπαιτοῦντα λόγους, ἑμακάρισά τε ἀεὶ καὶ ἐθαύμασα τὴν ἐν τῇ σῇ ψυχῇ καθαρότητα. Οὐδὲ γὰρ ἔστι μὴ πρότερον ἐκκαθαρθέντα καλῶς, καὶ τῶν βιωτικῶν ἀπάντων ἀνώτερον γενόμενον, εἰς ταύτην τῶν λόγων τὴν ἐπιθυμίαν ἐλθεῖν. Καὶ τοῦτο ῥάδιον συνιδεῖν ἐκ τῶν καὶ πρὸς ὀλίγον τούτῳ κατεχομένων τῷ πόθῳ, ὅτι τοσαύτην ἀθρόως δέχονται τὴν μεταβολὴν, ὡς εὐθέως πρὸς τὸν οὐρανὸν μεταστῆναι· καθάπερ γὰρ τινῶν δεσμῶν χαλεπῶν, τῶν τοῦ κόσμου φροντίδων ἀπολύσαντες τὴν ψυχὴν, οὕτως ἀφῖασι πέτεσθαι πρὸς τὸν οἰκεῖον αὐτῇ τόπον καὶ συγγενῆ. Ἀλλὰ τοῖς μὲν πολλοῖς τοῦτο ὀλιγάκις τοῦ παντός χρόνου συμβαίνειν εἴωθε· σὲ δὲ, ὦ θεία κεφαλῆ, διαπαντός οἶδα τούτῳ κατεχόμενον τῷ πυρὶ τῆς κατανύξεως. Καὶ μαρτυρήσειαν ἄν μοι αἱ τε ἄυπνοι νύκτες, καὶ αἱ τῶν δακρύων πηγαί, καὶ ὁ τῆς ἐρημίας ἔρος ἐνιζάνων τε ἀεὶ καὶ ἐνακμάζων σου τῇ ψυχῇ. Τί οὖν ἄν σοι γένοιτο πλέον παρὰ τῶν ἡμετέρων λόγων; Καὶ γὰρ καὶ αὐτὸ τοῦτο τὸ πρὸς αὐτὴν μὲν ἤκειν τὴν κορυφήν, οἶεσθαι δὲ ἔτι μετὰ τῶν χαμαὶ ἐρχομένων εἶναι, καὶ τὴν ἐπτερωμένην ψυχὴν λιθίνην καλεῖν, καὶ συνεχῶς τῆς δεξιᾶς ἀπτόμενον τῆς ἐμῆς, καὶ φιλοῦντα καὶ δακρύοντα λέγειν, σύντριψόν μου τὴν καρδίαν τὴν πεπωρωμένην, πόσης μὲν εὐλαβείας, πόσης δὲ πυρώσεως ἄν τις θεῖη εἶναι τεκμήρια; Εἰ μὲν οὖν ἡμᾶς καθεύδοντας διυπνίσαι βουλόμενος ἐπὶ ταύτην εἴλκυσας τὴν ὑπόθεσιν, καὶ τῆς φιλοσοφίας καὶ τῆς προνοίας ἀποδέχομαι τῆς πολλῆς· εἰ δὲ ἀληθῶς τὸ σαυτοῦ σκοπῶν, καὶ τοῦ διαναστήσοντος δεῖσθαι νομίζων, οὐκ οἶδα πῶς ἄν ἑτέρως ἡμᾶς ἐδίδαξας, ὅτι σοι τῶν παρ' ἡμῶν οὐδενὸς δεῖ. Πλὴν ἀλλὰ καὶ οὕτως εἰσομέν σοι, καὶ πεισθησόμεθα πάντων ἕνεκεν, καὶ τῆς παρόρησίας τῆς πρὸς τὸν Θεὸν καὶ τῆς περὶ τὴν αἴτησιν σπουδῆς, καὶ τῆς φιλίας τῆς πρὸς ἡμᾶς· σὺ δὲ ἡμᾶς ἀντὶ τούτων ταῖς εὐχαῖς ταῖς σαῖς ἀμείβου, ὥστε ἡμῖν καὶ τὸν βίον ὀρθωθῆναι τοῦ λοιποῦ, καὶ ἐν τῷ παρόντι δυναθῆναι τι γενναῖον εἰπεῖν, καὶ ἰκανὸν τάς τε κειμένας ἀναστήσαι καὶ τὰς παρειμένας ἐπισφίγξαι καὶ συγκροτῆσαι ψυχάς. Πόθεν οὖν ἡμῖν, πόθεν ἀρκτέον τούτου τοῦ λόγου; τίνα αὐτῷ

1. Видя, что ты, блаженный Димитрий, непрестанно обращаешься к нам и с великим усердием просишь от нас слов о сокрушении, я всегда ублажал (тебя) и удивлялся чистоте души твоей; потому что и пожелать таких наставлений невозможно, не очистившись перед этим совершенно и не возвысившись над всем житейским. Это легко видеть на тех, которые объемлются таким желанием даже на краткое время: в них происходит вдруг такая перемена, что они тотчас переносятся на небо; отрешив душу от мирских забот, как бы от тяжких уз, они таким образом дают ей свободу взлетать в свое, сродное ей, место. Но со многими обычно в течение жизни это случается редко; а ты, божественная глава, всегда, как известно мне, объят этим огнем сокрушения. И свидетелями мне в этом могут быть (твои) бессонные ночи, и потоки слез, и любовь к пустыне, постоянно живущая и процветающая в душе твоей. Какая же будет тебе польза от наших слов? Уже то самое, что ты, достигнув самой высоты (добродетели), ставишь себя вместе с идущими внизу, окрыленную душу (свою) называешь каменной и, непрестанно касаясь правой руки моей, целуешь и со слезами говоришь: „сокруши ожесточенное сердце мое“, уже это самое какую означает богобоязненность, какую пламенную ревность? Итак, если ты желаешь пробудить нас спящих, привлекая нас к этому предмету, то одобряю твою великую мудрость и попечение; но если ты действительно имеешь в виду себя самого и думаешь, что ты нуждаешься в возбудителе, то не знаю, как бы еще иначе мог ты убедить нас, что ни в чем нашем ты не нуждаешься. Впрочем, и при этом мы уступим тебе и послушаемся из уважения и (твоего) дерзновения к Богу, и усердия в просьбе, и дружбы к нам; а ты воздай нам за это своими молитвами, чтобы нам правильно устроить жизнь свою в будущем, и теперь сказать чтолибо доброе, способное восстановить лежащие и подкрепить и ободрить ослабевшие души. С чего же нам начать это слово? Какое мы положим ему основание, какую опору? Не очевидно ли, что

θεμέλιον, ποίαν κρηπίδα θήσομεν; Ἦ δῆλον ὅτι τοῦ Χριστοῦ τὰ ῥήματα, δι' ὧν ταλανίζει μὲν τοὺς γελῶντας, ἐν δὲ τοῖς μακαριζομένοις τίθησι τοὺς πενθοῦντας, οὕτως λέγων· Μακάριοι οἱ πενθοῦντες, ὅτι αὐτοὶ παρακληθήσονται καὶ, Οὐαὶ οἱ γελῶντες νῦν, ὅτι πενθήσετε καὶ κλαύσετε. Καὶ μάλα εἰκότως· πένθους γὰρ ἀληθῶς, πένθους καὶ ὀδυρμῶν ὁ παρῶν ἅπας καιρὸς· τοιαύτη συμφορὰ τὴν οἰκουμένην κατείληφεν ἅπασαν, τοιαῦτα ἅπαντας ἀνθρώπους συνέχει κακὰ· ἅπερ εἴ τις μετὰ ἀκριβείας ἐξετάζειν ἐθέλοι, εἴ γε δυνατόν μετὰ ἀκριβείας, οὐ παύσεται ὀδυρόμενος καὶ πενθῶν· οὕτως ἅπαντα ἀνατέτραπται καὶ συγκέχυται, καὶ ἀρετῆς ἵχνος οὐδαμοῦ. Καὶ τὸ δὴ χαλεπώτερον, ὅτι τῶν συνεχόντων ἡμᾶς δεινῶν αἰσθησιν οὔτε αὐτοὶ ἔχομεν, οὔτε ἄλλοις παρέχομεν, ἀλλ' εἰκόκαμεν σώματι ἕξωθεν μὲν ἀνθοῦντι, πολλῶ δὲ ἔνδοθεν τηκομένῳ πυρὶ τῆς δὲ ἀναληθσίας ἕνεκεν οὐδὲν τῶν παραπαιόντων διενηνόχαμεν, οἱ πολλὰ μὲν ἐπικίνδυνα καὶ αἰσχυρὰ καὶ λέγουσι καὶ πράττουσιν ἀδεῶς, αἰσχύνονται δὲ τούτων οὐδὲν, ἀλλὰ καὶ ἐναβρύνονται, καὶ τῶν καθεστηκότων μᾶλλον ὑγιαίνειν νομίζουσιν. Οὕτω δὴ καὶ ἡμεῖς, τὰ τῶν νοσοῦντων ἅπαντα πράττοντες, οὐδὲ αὐτὸ τοῦτο, ὅτι νοσοῦμεν, ἴσμεν. Ἀλλ' ἐπὶ μὲν τοῦ σώματος, κἂν τὸ τυχὸν ἡμᾶς ἐνοχλήσῃ πάθος, καὶ ἰατροὺς καλοῦμεν, καὶ χρήματα ἀναλίσκομεν, καὶ καρτερίαν ἐπιδεικνύμεθα, καὶ οὐ πρότερον ἀφιστάμεθα, ἅπαντα πράττοντες, ἕως ἂν ἀποθώμεθα τὸ λυποῦν· τῆς δὲ ψυχῆς καθ' ἑκάστην ἡμέραν κεντούμενης, σπαραττομένης τοῖς πάθεσι τοῖς σωματικοῖς, καιομένης, κρημνιζομένης, καὶ πάντα τρόπον ἀπολλούσης ἑαυτὴν, οὐδὲ βραχὺν ἔχομεν λόγον. Τὸ δὲ αἴτιον, ὅτι ἅπαντας ἡ νόσος κατείληφε· καὶ καθάπερ ἐπὶ τῶν καμνόντων τὰ σώματα, εἰ συμβαίῃ μηδένα παρεῖναι τῶν ὑγιαίνοντων αὐτοῖς, οὐδὲν τὸ κωλύον ἅπαντας εἰς τὴν ἐσχάτην καταπεσεῖν φθορὰν, μηδενὸς αὐτῶν τὰς ἀλόγους ἐπιθυμίας κατέχοντος· οὕτω καὶ ἐφ' ἡμῶν διὰ τὸ μηδένα εἶναι τὸν ὑγιαίνοντα καθαρῶς ἐν τῇ πίστει, ἀλλὰ πάντας ἀρρώστειν, τοὺς μὲν ἐκ πλείονος, τοὺς δὲ ἐξ ἐλάττονος μοίρας, οὐδεὶς ὁ τοῖς κειμένοις ἐξαρκέσων ἐστίν. Εἰ γὰρ τις ἕξωθεν ποθεν ἡμῖν ἐπιστάς, καὶ τοῦ Χριστοῦ τὰ προστάγματα, καὶ τῆς πολιτείας τῆς ἡμετέρας τὴν σύγχυσιν καταμάθοι καλῶς, οὐκ οἶδα εἴ τινος ἑτέρου μᾶλλον ἡμῶν ἐχθροῦς ὑπολήψεται εἶναι τοῦ Χριστοῦ· καθάπερ γὰρ ἐσπουδακότες τὴν ἐναντίαν αὐτοῦ ἐλθεῖν τοῖς ἐπιτάγμασιν, οὕτω ταύτην ὠδεύσαμεν τὴν ὁδόν.

β. Καὶ ἵνα μή τις ὑπερβολῆς εἶναι νομίσῃ τὰ ῥήματα τὰ παρ' ἡμῶν, τὴν ἀπόδειξιν ἐπαγαγεῖν

σлова Христа, в которых Он изрекает горе смеющимся, а уболажает плачущих, говоря так: "Блаженны плачущие, ибо они утешатся" (Мф. 5:4), и: "Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете"(Лк. 6:25)? И это весьма справедливо, потому что вся настоящая жизнь поистине есть время плача и слез; такое несчастье постигло всю вселенную, такая бедствия объяли всех людей, что, если кто захочет распознать их в точности, если только возможна такая точность, то не перестанет скорбеть и плакать: так все извратилось и расстроилось, а добродетели и следа нет нигде! А еще тяжелее то, что мы и сами не чувствуем и другим не даем чувствовать постигших нас бедствий, но стали похожи на человека, которого тело извне цветет, а внутри разрушается сильным огнем; и по этой безчувственности мы несколько не отличаемся от умалишенных, которые без опасения и говорят и делают много опасного и непристойного, и не только не стыдятся, но еще хвалятся этим, и считают себя здоровее здоровых. Так и мы, делая все, свойственное больным, не знаем и того, что мы больны. Между тем, если в теле нашем случится даже малая болезнь, мы и приглашаем врачей, и тратим деньги, и обнаруживаем терпение, и не перестаем делать все, пока не прекратим болезнь; а о душе, которая плотскими страстями ежедневно поражается, терзается, сжигается, низвергается в пропасть и всячески губит себя, несколько не заботимся. Причиною же этого то, что болезнь объяла всех. Поэтому, как больные телом, если не случится быть при них комулибо из здоровых, беспрепятственно могут все подвергнуться крайней опасности оттого, что некому отклонить их от безразсудных желаний, так и у нас, оттого, что нет никого совершенно здорового в вере, но все больны, одни более, другие менее, никто не в состоянии пособить лежащим. Так, если бы кто со стороны пришел к нам и хорошо узнал и заповеди Христовы и устройство нашей жизни, то не знаю, каких бы еще мог он представить себе других врагов Христа хуже нас; потому что мы идем такую дорогою, как будто решились идти против заповедей Его!

2. И чтобы кто не подумал, что наши слова преувеличены, я постараюсь представить и

ἤδη πειράσομαι, ἐτέρωθεν μὲν οὐδαμῶθεν, ἀπὸ δὲ αὐτῶν τῶν ἐντολῶν τοῦ Χριστοῦ. Τί οὖν φησιν ὁ Χριστός; Ἐρρέθη τοῖς ἀρχαίοις· Οὐ φονεύσεις. Ἐγὼ δὲ λέγω ὑμῖν, ὅτι πᾶς ὁ ὀργιζόμενος τῷ ἀδελφῷ αὐτοῦ εἰκῆ, ἔνοχος ἔσται τῇ κρίσει· ὃς δ' ἂν εἴπῃ τῷ ἀδελφῷ αὐτοῦ, Ρακά, ἔνοχος ἔσται τῷ συνεδρίῳ· ὃς δ' ἂν εἴπῃ, Μωρὲ, ἔνοχος ἔσται εἰς τὴν γέενναν τοῦ πυρός. Ταῦτα μὲν οὖν ὁ Χριστός. Ἡμεῖς δὲ τῶν ἀπιστούντων αὐτῷ μᾶλλον τὸν νόμον τοῦτον κατεπατήσαμεν, καθ' ἑκάστην ἡμέραν μυρίαὶ τοὺς ἀδελφούς πλύνοντες λοιδορίαις. Καὶ τὸ δὴ καταγελαστότερον, ὅτι τὸ μωρὸς ὄνομα παραφυλαττόμενοι, πολλάκις ἐτέρας τούτου ὑβρεῖς πικροτέρας ἐπάγομεν, ὡς ἐκείνου μόνου τοῦ ῥήματος τὴν κόλασιν ἔχοντος. Τὸ δὲ οὐ τοιοῦτόν ἐστιν, ἀλλὰ τὸν ὑβριστὴν καθάπαξ κολάζων, τοῦτο τέθεικε τὸ ἐπιτίμιον· καὶ δῆλον ἐξ ὧν καὶ Παῦλός φησιν, οὕτωςί λέγων· Μὴ πλανᾶσθε· οὔτε πόρνοι, οὔτε εἰδωλολάτραι, οὐ μοιχοὶ, οὐ μαλακοὶ οὔτε ἀρσενοκοῖται, οὐ κλέπται οὔτε πλεονέκται, οὐ μέθυσοι, οὐ λοιδοροὶ, οὐχ ἄρπαγες, βασιλείαν Θεοῦ κληρονομήσουσι. Εἰ δὲ ὁ μωρὸν λέγων τὸν ἀδελφὸν αὐτοῦ τῆς ἐσχάτης κολάσεως ἐστιν ἄξιός, ὁ κακοῦργον καὶ βάσκανον καὶ εὐχερῆ καὶ κενόδοξον, καὶ μυρία ἄλλα τοιαῦτα κακηγορῶν, πόσον ἑαυτῷ τὸ τῆς γεέννης συνάξει πῦρ; Τὸ γὰρ, Μωρὲ, καὶ Ρακά, τῶν εἰρημένων πολλῷ κουφότερον· διόπερ ἐκεῖνο παρῆς, τοῦτο τέθεικεν ὁ Χριστός, ἵνα μάθῃς ὅτι, εἰ τὸ φορητότερον λεχθὲν τὴν γέενναν ἐπισπάται κατ' αὐτοῦ τοῦ λέγοντος, πολλῷ μᾶλλον τὰ βαρύτερα καὶ ἀφορητότερα τοῦτο ἐργάσεται. Εἰ δὲ τινες ὑπερβολὴν τοῦ λόγου καταγινώσκουσι (καὶ γὰρ τινὰς οἶδα τοῦτο παθόντας ἐγὼ, καὶ νομίζοντας ὑπὲρ τοῦ φοβῆσαι μόνον ταύτην εἰρηθῆσαι τὴν ἀπειλήν), ὥρα αὐτοὺς τοὺς μοιχοὺς, τοὺς ἀρσενοκοίτας, τοὺς μαλακοὺς, τοὺς εἰδωλολάτρους τῆς εἰρημένης ἀπαλλάττειν κολάσεως. Εἰ γὰρ φόβου μόνον ἔνεκεν τοῖς λοιδοροῖς ἠπειλήσε, δῆλον ὅτι κακείνοις· ὁμοῦ γὰρ ἅπαντας συναγαγὼν, οὕτως ἐπήγαγε τῆς βασιλείας τὴν ἐκπτώσιν. Τί οὖν, φησίν; ὁ λοιδορὸς μετὰ τοῦ μοιχοῦ καὶ μαλακοῦ καὶ πλεονέκτου καὶ εἰδωλολάτρου κείσεται; Εἰ μὲν τὴν αὐτὴν αὐτοῖς δώσει δίκην, ἐτέρου τοῦτο ζητῆσαι καιροῦ· ὅτι δὲ τῆς βασιλείας ὁμοίως ἐκπεσεῖται ἐκείνοις, τῷ Παύλῳ πείθομαι λέγοντι, μᾶλλον δὲ τῷ ἐνεργοῦντι δι' αὐτοῦ Χριστῷ, ὅτι οὔτε οὗτοι, οὔτε ἐκεῖνοι βασιλείαν Θεοῦ κληρονομήσουσιν. Οὐκ ἐπὶ τούτου δὲ μόνον, ἀλλὰ καὶ ἐπὶ πολλῶν ἐτέρων πολλοὶ τοῦτο πεπόνθασι, καὶ τὰ πάντως ἐκβησόμενα ὑπερβολικῶς εἰρηθῆσαι νομίζουσι· διαβολικὴ δὲ ἐστὶν αὕτη ἡ παγίς. Ἴνα γὰρ τὸν φόβον τῆς μελλούσης ἐκλύσῃ κολάσεως τῶν

доказательство, не от чего либо другого, но из самых заповедей Христовых. Что же говорит Христос? "Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: "рака", подлежит синедрону; а кто скажет: "безумный", подлежит геенне огненной"(Мф. 5:21, 22). Это (сказал) Христос. А мы, хуже неверующих в Него, попрали этот закон, каждодневно осыпая братьев своих множеством злословий. И особенно смешно то, что, избегая названия урод, как будто только это слово подлежит наказанию, мы часто наносим (ближнему) другия более тяжкие оскорбления. А на самом деле не так, но (Господь) дал такое запрещение, угрожая наказанием оскорбителям вообще, как это видно и из следующих слов Павла: "Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники Царства Божия не наследуют" (1 Кор. 6:9, 10). Если же называющий брата своего уродом достоин крайнего наказания, то сколько геенского огня приготовить себе тот, кто называет его злодеем, и завистливым, и безумным, и тщеславным, и многими другими, столь же оскорбительными, словами? Слова безумный и "рака" гораздо легче сказанных теперь. Посему Христос, не упоминая о них, указал только на те, чтобы ты знал, что если легчайшее злословие подвергает сказавшего геенне, тем более сделают это более тяжкие и несносные. Если же некоторые допускают в сказанном преувеличение (я знаю, что некоторые испытывают расположение думать так, будто эта угроза сказана только для того, чтобы устрашить), то следует уже освободить от упомянутого наказания и самых блудников, мужеложников, малакий, идолослужителей. Если (апостол) высказал угрозу злоречивым только для страха, то явно, что тоже и остальным; потому что он сперва поставил всех вместе, а потом прибавил, что они будут лишены царствия. Что же, скажут, неужели злоречивый станет на ряду с блудником, и малакией, и лихоимцем, и идолослужителем? Одинаковому ли он подвергнется наказанию, это разсмотрим в другое время; а что он одинаково с ними лишится царствия, в этом я верю словам Павла, или, лучше сказать, действовавшего через него Христа, т. е. что ни те, ни другие царствия Божия

κατανυγόντων ἐν τῇ τοῦ Θεοῦ ἀγάπῃ, καὶ χαυνοτέρους ἐργάσεται περὶ τὴν ὑπακοὴν τῆς ἐντολῆς, τὴν ἀπὸ τῆς ὑπερβολῆς παραμυθίαν εἰσηγάγεν, εἰς μὲν τὸ παρὸν ἰκανὴν χαρίσασθαι ταῖς ῥαθυμοτέραις ψυχαῖς ἀπάτην, ἐλεγχθησομένην δὲ κατὰ τὸν τῆς κρίσεως καιρὸν, ὅτε κέρδος οὐδέν. Τί γὰρ ὄφελος, εἰπέ μοι, νῦν ἀπατηθέντας, τότε συνιδεῖν τὴν ἀπάτην, ὅταν μὴδὲν ἢ ἀπὸ τῆς μετανοίας εἰς τὸν τῆς ἀναστάσεως ἀπόνασθαι λόγον; Μὴ δὴ μάτην ἀπατῶμεν ἑαυτοὺς, καὶ παραλογιζώμεθα ἐπὶ κακῶ, μὴδὲ ἐτέραν προκαλώμεθα τιμωρίαν, τὴν ἐκ τῆς ἀπιστίας. Οὐ γὰρ μόνον τὸ μὴ εἶκειν ταῖς ἐντολαῖς τοῦ Χριστοῦ, ἀλλὰ καὶ τὸ ἀπιστεῖν αὐταῖς χαλεπωτάτην ἐπάγει τὴν κόλασιν· τὸ δὲ ἀπιστεῖν γίνεται ἐκ τοῦ πρὸς τὴν ἐκπλήρωσιν ἐκκελύσθαι τῶν ἐντολῶν. Ὅταν γὰρ τὴν ἐκτῆς ὑπακοῆς ἀσφάλειαν μὴ ἐθέλησωμεν ἑαυτοῖς πορίσασθαι, μὴδὲ τὰ προστεταγμένα ποιεῖν, ὥστε ἀπαλλάξαι τοῦ φόβου τῶν μελλόντων τὸν λογισμὸν, βαρυνόμενοι τῷ συνειδῶτι καὶ ἀγχόμενοι, καὶ τὸν πολὺν τῶν κειμένων κολάσεων φόβον ἀπορῶσαι σπουδάζοντες, εἰς ἕτερον ἑαυτοὺς καταβάλλομεν βάραθρον, ἀπιστοῦντες τοῖς κολαστηρίοις ἐκείνοις. Καὶ καθάπερ οἱ πολλῶν συνεχόμενοι πυρετῶ, καὶ κατὰ τῶν ψυχῶν πηδῶντες ὑδάτων, οὐκ ἀποτινάσσονται τὸ πνίγος, ἀλλ' ἕτερον ἑαυτοῖς προστιθέασιν πῦρ· οὕτω καὶ ἡμεῖς, κεντούμενοι τῷ τῶν ἀμαρτημάτων συνειδῶτι, εἰς τὸν τῆς ὑπερβολῆς εὐριπον καταποντίζομεν ἑαυτοὺς ἀναγκαζόμεθα, ἵνα πάντα ἀδεῶς ἀμαρτάνωμεν τοῦ λοιποῦ. Οὐδὲ γὰρ μόνον παροῦσιν ὀργιζόμεθα τοῖς ἀδελφοῖς, ἀλλὰ καὶ ἀποῦσι πολλάκις μαχόμεθα· ὅπερ ὑπερβολὴ θηριωδίας ἐστί. Καὶ τοὺς μὲν μείζους ἑαυτῶν καὶ δυνατωτέρους καὶ ἀδικοῦντας καὶ ὑβρίζοντας φέρομεν μετὰ ἐπιεικείας πολλῆς, διὰ τὸν παρ' αὐτῶν φόβον, πρὸς δὲ τοὺς ὀμοτίμους καὶ ἐλάττονας οὐδὲν λευπηκότας ἀπεχθανόμεθα. Τοσοῦτον ὁ παρὰ τῶν ἀνθρώπων φόβος τοῦ παρὰ τοῦ Χριστοῦ μείζονα ἔχει τὴν ἰσχύν.

не наследуют. И не только касательно этого, но и многих других предметов многие также расположены думать, будто то, о чем (в Писании говорится как) имеющем непременно исполниться, сказано преувеличенно. Это диавольская сеть. Чтобы в людях, проникнутых сокрушением по любви к Богу, истребить страх будущего наказания и сделать их менее тщательными в повиновении заповеди, (диавол) предложил успокоение в мысли о преувеличении, которая в настоящей жизни способна обмануть беспечные души, но будет изобличена в день суда, когда от этого не будет никакой пользы. Что пользы, скажи мне, теперь обманутым узнать этот обман тогда, когда и покаяние нисколько не будет полезно, именно при воскресении? Не станем же тщетно обманывать себя, не будем лежеумствовать на зло себе и навлекать на себя еще другое наказание за неверие. Жесточайшему наказанию подвергает нас не только неисполнение заповедей Христовых, но и неверие им; а неверие происходит от нерадения об исполнении заповедей. Именно, когда мы не хотим приобрести себе спокойствие повиновением (воле Божией) и исполнять заповеданное нам, то, стараясь отвлечь ум от страха за будущее и отогнать великий страх угрожающих наказаний, мы, подавляемые и терзаемые совестью, ввергаем себя в другую пропасть, не верим этим наказаниям. Как одержимые сильною горячкою, если и бросаются в холодную воду, не ослабляют удушьящего их жара, но еще более прибавляют себе огня; так и мы, уязвляемые сознанием своих грехов, заставляем себя погружаться в бездну (мысли о) преувеличении, чтобы потом безбоязненно предаваться всем грехам. Мы не только гневаемся на присутствующих братьев, но часто враждебно относимся и к отсутствующим: а это верх ожесточения. От тех, кто выше и сильнее нас, мы весьма скромно терпим и обиды и оскорбления, потому что боимся их; а к равным и низшим, даже и не причинившим нам никакого огорчения, питаем вражду. Так страх пред людьми действует (в нас) сильнее страха Христова.

γ. Ἔστιν οὖν ἡμῖν σωτηρίας ἐλπίς τοσαύτην ἐνδεικνυμένοις ὀλιγωρίαν καὶ καταφρόνησιν; πόθεν, εἰπέ μοι; Τί τοίνυν φορτικὸν ἀπήτησε, τί δὲ ἐπαχθὲς παρ' ἡμῶν ὁ Χριστός; Μὴ ὀργίζου, φησὶ, τῷ ἀδελφῷ σου εἰκῆ. Πολὺ δὲ τοῦτο εὐκολώτερον τοῦ φέρειν ἕτερον ὀργιζόμενον εἰκῆ· ἐκεῖ μὲν γὰρ συνήκται ἡδὴ τοῦ πυρός ἢ ὕλη, ἐνταῦθα δὲ,

3. Как же мы можем надеяться на спасение, показывая такую беспечность и невнимательность? И отчего это, скажи мне? Что тяжкого, что трудного требует от нас Христос? Не гневайся, говорит Он, на брата твоего напрасно. А это гораздо легче, нежели терпеть напрасный гнев от другого; там уже готово

οὐδενὸς ὑποκειμένου, τὴν φλόγα ἀνάπτεις αὐτός· οὐκ ἔστι δὲ ἴσον, ἑτέρου λαμπάδα προσάγοντος, καρτερεῖν καὶ μὴ πίμπρασθαι, καὶ μηδενὸς παρακινουῦντος ἡσυχάζειν καὶ ἡρεμεῖν Ὁ μὲν γὰρ ἐκείνου κρατήσας, μεγίστης φιλοσοφίας βάσανον ἐπεδείξατο· ὁ δὲ τοῦτο κατορθῶν, οὐδενὸς ἂν εἴη θαύματος ἄξιος. Ὅταν οὖν τὸ μείζον διὰ τὸν τῶν ἀνθρώπων φόβον ἀνύοντες, διὰ τὸν τοῦ Θεοῦ μηδὲ τὸ ἔλαττον βουλώμεθα, ἐννόησον ὅσης κολάσεως καὶ τιμωρίας ὑπευθύνους καθιστῶμεν ἑαυτούς. Τὸν τοίνυν ἀδελφὸν μὴ τὸν ὁμότιμον μόνον, μηδὲ ἐλεύθερον νομίσης εἶναι, ἀλλὰ καὶ τὸν οἰκέτην· Ἐν γὰρ Χριστῷ Ἰησοῦ οὔτε δούλος, οὔτε ἐλεύθερος, κατὰ τὸν Ἀπόστολον. Ὡστε κἂν πρὸς τοὺς δούλους. ἀγριαίνωμεν εἰκῆ, τὴν αὐτὴν ὑποσησόμεθα δίκην· ἀδελφὸς γὰρ καὶ οὗτός ἐστι, καὶ τῆς ἐλευθερίας ἡξίωται τῆς ἀληθοῦς, ἐν πνεῦμα ἔχων. Τίς οὖν λοιδορίας καθαρὸν τὸν ἑαυτοῦ βίον καὶ ὀργῆς ἀλόγου καὶ ματαίας ἐπιδειξάι δύναται; Μὴ γὰρ μοι τὸν ὀλιγάκις τοῦτο πάσχοντα εἴπης, ἀλλὰ τὸν μηδὲ ὄλως ἀλόντα ποτέ· ἕως δ' ἂν μὴ τοῦτο δείξης ἡμῖν, οὐδὲ τὴν ἀπειλὴν λῦσαι δυνησῆ, διὰ τὸ μὴ συνεχῶς τοῦτο παθεῖν. Καὶ γὰρ ὁ κλέπτων καὶ ὁ πορνεύων, κἂν ἅπαξ μόνον τὴν ἁμαρτίαν ἐκείνην ἐργάσωνται, οὐκ ἐπειδὴ μὴ πολλάκις τοῦτο τετολμήκασιν, ἀφίενται τῆς τιμωρίας, ἀλλὰ ἐπειδὴ τετολμήκασιν ὄλως, κολάζονται. Τὸ δὲ ἐφεξῆς τούτῳ κείμενον, τίς οὐκ ἂν τῶν ἀπίστων καὶ μῦθον εἶναι νομίσειε, μετὰ τοσαύτης. σφοδρότητος ἀνατετραμμένον ὄρων ὑφ' ἡμῶν; Τοῦ γὰρ Θεοῦ εἰπόντος· Ἐὰν προσφέρῃς τὸ δῶρόν σου ἐπὶ τὸ θυσιαστήριον, κἀκεῖ μνησθῆς, ὅτι ὁ ἀδελφός σου ἔχει τι κατὰ σοῦ, ἄφες ἐκεῖ τὸ δῶρόν σου ἔμπροσθεν τοῦ θυσιαστηρίου, καὶ ὑπάγε πρῶτον, διαλλάγηθι τῷ ἀδελφῷ σου, καὶ τότε ἐλθὼν, πρόσφερε τὸ δῶρόν σου· ἡμεῖς δὲ ἐκπεπολεμωμένοι πρὸς ἀλλήλους καὶ ὑπούλως διακείμενοι τοῖς θυσιαστηρίοις πρόσμιεν. Καὶ ὁ μὲν Θεὸς τοσαύτην τῆς ἡμετέρας καταλλαγῆς πεποίηται σπουδὴν, ὡς ἀνέχεσθαι τὴν αὐτοῦ θυσίαν μένειν ἀτέλεστον, καὶ τὴν ὑπηρεσίαν ἐγκόπτεσθαι ὑπὲρ τοῦ τὴν πρὸς ἀλλήλους ἀπέχθειαν καταλύσαι καὶ τὴν ὀργὴν· ἡμεῖς δὲ οὕτω τοῦ πράγματος ἀλογοῦμεν, ὡς καὶ ἡμέρας πολλὰς τὴν ἔχθραν διατηρεῖν κατὰ τῆς ἑαυτῶν κεφαλῆς. Οὐδὲ γὰρ τοὺς μνησικακοῦντας κολάζει μόνον ὁ Χριστός, ἀλλὰ καὶ τοὺς τούτου μὲν ἀπηλλαγμένους τοῦ πάθους, πεπληγμένους δὲ καταφρονουῦντας τῶν ἀδελφῶν. Ἐπειδὴ γὰρ τῶν ἡδικημένων ἐστὶ τὸ μνησικακεῖν, ὁ δὲ ἀδικῶν οὐκ ἂν ῥαδίως ληφθῆι τούτῳ τῷ πάθει, τούτου χάριν τοῦτον ἤγαγε πρὸς ἐκείνον, δεικνύς ὅτι τῆς τιμωρίας τῆς ἐκείνου μᾶλλον ὑπεύθυνός ἐστιν ὁ καὶ τὴν ῥίζαν τῷ ἁμαρτήματι παρασχών. Ἄλλ'

вещество для огня, а здесь ты сам зажигаешь пламя, когда нет и вещества для него; между тем не все равно терпеть ли и не воспламениться, когда другой подносит свечу, или оставаться спокойным и невозмутимым, когда никто не возмущает. Кто вытерпит в первом случае, тот представит доказательство величайшего добродетели; но кто сделает последнее, тот не заслужит удивления. Итак, когда мы, по страху перед людьми делаем более трудное, не хотим делать менее трудного по страху Божию; то подумай, какому подвергаем сами себя наказанию и мучению. Притом, почитай братом не только равночестного тебе, не только свободного, но и слугу: "во Христе Иисусе", по апостолу "нет ни раба, ни свободного"(Гал. 3:28). Таким образом мы подвергнемся одинаковому наказанию, если будем гневаться напрасно и на рабов; потому что и раб есть брат и удостоился истинной свободы, имея один (с нами) дух. Кто же может сказать о своей жизни, что она чиста от безрассудного и напрасного злоречия и гнева? Не указывай мне на того, кто предается этому (пороку) изредка, но покажи такого человека, который бы никогда не предавался ему; а пока не представишь нам этого, до тех пор не можешь отклонить (содержащейся в Писании) угрозы под тем предлогом, что пороку этому предаются не часто. Так и вор, и блудник, хотя бы только однажды совершили грех, не освобождаются от наказаний потому, что совершали этот грех не часто, но наказываются за то, что вообще дерзнули на это. А что за этим следует (в Евангелии), того кто из неверующих не сочтет даже за басню, видя, с каким упорством мы нарушаем это (повеление)? Бог сказал: "Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойдя прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой."(Мф. 5:23, 24). А мы приступаем к алтарям, враждуя друг против друга и явно и тайно. Бог столько печется о нашем примирении, что допускает и жертвоприношению своему оставаться несовершенным и службе прерываться, только бы мы прекратили вражду друга к другу и гнев; а мы так мало обращаем на это внимания, что на гибель себе питаем вражду в продолжение многих дней. Христос наказывает не только злопамятных, но и тех, которые, освободившись от этой страсти, небрегут об оскорбленных (ими) братьях. Так как помнить зло свойственно обиженным, а тот, кто обижает,

ἡμεῖς οὐδὲ οὕτω παιδευόμεθα, ἀλλὰ λυποῦμεν καὶ ὑπὲρ τῶν τυχόντων τοὺς ἀδελφούς· εἶτα ὥσπερ οὐδενὸς γενομένου δεινοῦ, οὕτως ἀμελοῦμεν καὶ ἐπιλανθανόμεθα τῶν λυπηθέντων παρ' ἡμῶν, καὶ τὴν ἔχθραν εἰς μακρὸν ἐκτεινομένην χρόνου μῆκος περιορῶμεν, οὐκ εἰδότες ὅτι τοσοῦτῳ μείζονα τίσομεν κόλασιν, ὅσῳ πλείονας ἂν ἀφῶμεν ἐπεισελθεῖν ἡμέρας τῇ λύπῃ, τούτῳ τε αὐτῷ, καὶ τῷ δυσκολωτέραν ἡμῖν γενέσθαι λοιπὸν τὴν καταλλαγὴν. Ὡσπερ γάρ, φιλίας συνεχοῦσης ἡμᾶς, οὐδὲν εὐκόλως τῶν διαιρούντων ἰσχυσαί καὶ πιστευθῆναι δυνήσεται· οὕτως, ἔχθρας προκαταλαβούσης ἡμῶν τὰς ψυχὰς, πάντα εὐκόλα καὶ ῥᾶστα τοῖς βουλομένοις ἡμῖν συγκρούειν ἐπιπλείον ἔστι, τῶν μὲν χρηστῶν ἀπιστοῦμένων, πιστευομένων δὲ μόνων τῶν πονηρῶν. Διὰ ταῦτα κελεύει τὸ δῶρον ἀφέντας ἐπὶ τοῦ θυσιαστηρίου, πρῶτον διαλλαγῆναι τῷ ἀδελφῷ, ἵνα μάθωμεν, ὅτι εἰ ἐν ἐκείνῳ τῷ καιρῷ ἀναβάλλεσθαι τὴν καταλλαγὴν ταύτην οὐ χρή, πολλῷ μᾶλλον ἐν ἑτέροις. Ἡμεῖς δὲ τὰ μὲν σύμβολα τῶν πραγμάτων κατέχομεν, τῆς δὲ ἀληθείας αὐτῆς ἐκπεπτώκαμεν, ἀσπαζόμενοι μὲν ἀλλήλους μέλλοντος τοῦ δώρου προσφέρεισθαι, χεῖλεσι δὲ ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ καὶ στόματι τοῦτο ποιοῦντες μόνον. Ὁ δὲ Κύριος οὐ τοῦτο βούλεται, ἀλλὰ τὸ ἀπὸ τῆς ψυχῆς φίλημα, καὶ τὸν ἀπὸ τῆς καρδίας ἀσπασμὸν διδόναι τῷ πλησίον ἡμᾶς. Τοῦτο γάρ ἐστιν ἀσπάσασθαι ἀληθῶς, ἐκεῖνο δὲ σκιηή τις καὶ ὑπόκρισις, καὶ παροξύνειε μᾶλλον ἂν τὸν Θεὸν ἢ καταλλάξειεν ὁ οὕτω φιλῶν. Τὴν γὰρ εἰλικρινῆ καὶ ἐρρίζωμένην φιλίαν ἐπιζητεῖ παρ' ἡμῶν, οὐ ταύτην, ἧς τὸ μὲν σχῆμα πολὺ καὶ τὴν μόρφωσιν περιφέρομεν, τὴν δὲ δύναμιν πᾶσαν ἐσβέσαμεν, ὅπερ καὶ αὐτὸ τεκμήριον τῶν κατεχουσῶν ἡμᾶς ἀνομιῶν ἔστι. Διὰ γὰρ τὸ πληθυνθῆναι τὴν ἀνομίαν, φησὶ, ψυγήσεται ἡ ἀγάπη τῶν πολλῶν. Καὶ ταῦτα πράττομεν ἄνθρωποι, μήτε ὀργίζεσθαι, μήτε ἔχθρους ἔχειν κελευσθέντες τινὰς, εἰ δὲ ποτε καὶ σχοίημεν, ἐφ' ἡμέρας μόνον· Ὁ ἥλιος γάρ, φησὶ, μὴ ἐπιδυέτω ἐπὶ τῷ παροργισμῷ ὑμῶν· Καὶ οὐδὲ μέχρι τούτου ἰστάμεθα, ἀλλὰ καὶ ἐπιβουλάς κατ' ἀλλήλων ῥάπτομεν, καὶ δι' ὧν λέγομεν καὶ δι' ὧν πράττομεν δάκνοντες τὰ οἰκεῖα μέλη καὶ κατεσθίοντες· ὅπερ λαμπρᾶς μανίας ἔστι. Καὶ γὰρ τοὺς ἀνιάτως δαιμονώοντας καὶ μαινομένους ἀπὸ τούτου μάλιστα δοκιμάζομεν. Τί δὲ ὁ περὶ τοῦ ἀντιδίκου νόμος, καὶ ὁ περὶ τῆς ἐπιθυμίας τῆς ἀτόπου, καὶ τῶν ἀκολάστων ὀφθαλμῶν, καὶ τῆς ἀλόγου φιλίας καὶ ἐπιβλαβοῦς; Ὁ γὰρ δεξιὸς ὀφθαλμὸς, καὶ ἡ δεξιὰ χεὶρ, οὐδὲν ἡμῖν ἕτερον αἰνίττεται, ἢ τοὺς ἐπὶ βλάβῃ φιλοῦντας ἡμᾶς· καὶ ὁ περὶ τῶν ἀπολελυμένων δὲ γυναικῶν ὑπὸ τίνος οὐ κατελύθη καὶ κατεπατήθη πολλάκις;

может и не предаваться этой страсти: поэтому (Христос) и повелевает последнему идти к первому, показывая, что большему против первого наказанию подлежит тот, кто дал корень греху. А мы и этим не вразумляемся, но оскорбляем братьев и за малости; потом, как будто бы не было ничего худого, оставляем без внимания и забываем обиженных нами, и даем вражде продолжаться долгое время, не сознавая, что понесем тем большее наказание, чем больше дней попустим продолжаться неприязни, как за это самое, так и потому, что и примирение потом становится для нас более затруднительным. Как тогда, когда дружба связывает нас, ничто не может легко произвести разрыва (между нами) и даже быть принято с доверием; так тогда, когда вражда овладевает нашими душами, желающие посорить нас большею частью легко и удобно успевают в этом, потому что мы тогда доброму не верим, а верим только худому. Посему (Господь) повелевает нам, оставив дар пред алтарем, наперед примириться с братом, дабы мы знали, что если в это время не следует отлагать примирения, тем более в другие времена. А мы внешние признаки удерживаем, от самой же истины удалились, пред принесением дара приветствуем друг друга, но делаем это большею частью только языком и устами. Но Господь хочет не этого, а того, чтобы мы давали ближнему лобзание от души и приветствие от сердца. Это и есть истинное приветствие, а то ложь и притворство; и кто так целует (ближнего), тот скорее прогневает, чем умилостивит Бога. Он требует от нас искренней и крепкой дружбы, а не такой, которая имеет у нас часто вид и призрак (дружбы), а силу вовсе утратила, что самое и служит доказательством господствующих у нас беззаконий. "По причине умножения беззакония", говорит Господь, "во многих оскудеет любовь" (Мф. 24:12). И это делаем мы, люди, которым повелено не гневаться и не иметь врагов, а если и случится кого иметь, то только на день: "солнце", говорит (апостола), "да не зайдет в гневе вашем" (Ефес. 4:26). А мы и на этом не останавливаемся; но строим козни друга против друга, и словами, и делами угрызая и поедая своих сочленов, что свойственно явному умоисступлению; ибо по этому особенно мы узнаем страждущих неисцельно беснованием и сумасшествием. Что же сказать о законе касательно соперника, нечистой похоти, бесстыдных взглядов, безумной и губительной любви? Здесь "правое око" и "правая рука" (Мф. 5:2530) указывают нам не на другое что, как на любящих

нас со вредом (для нас). А. закон касательно развода с женами кем не был часто нарушаем и попираем (Мф. 5:32)?

δ. Τοὺς γὰρ περὶ τοῦ μὴ δεῖν ὀμνύναι κειμένους καὶ αἰσχύνομαι λέγειν, οὐ διὰ τὰς ὀρκωμοσίας μόνον, ἀλλὰ καὶ διὰ τὰς ἐπιπορκίας τὰς συνεχεῖς. Εἰ γὰρ καὶ τὸ ὀμνύναι, κὰν εὐορκῆ τις, ἔγκλημα καὶ ἐντολῆς παράβασις, ποῦ τὴν ἐπιπορκίαν θήσομεν; Εἰ γὰρ τὸ περισσὸν τοῦ ναὶ καὶ τοῦ οὐ ἐκ τοῦ Πονηροῦ, τὸ καὶ τούτου περισσότερον τίνος ἔσται λοιπόν; Εἶτα πάλιν φησίν· Ἐάν τις σε ῥαπίση εἰς τὴν δεξιὰν σιαγόνα, στρέψον αὐτῶ καὶ τὴν ἄλλην· καὶ τῶ θέλοντί σοι κριθῆναι, καὶ τὸν χιτῶνά σου λαβεῖν, ἄφες αὐτῶ καὶ τὸ ἱμάτιον· καὶ ἐάν τις σε ἀγγαρεύσῃ μίλιον ἓν, ὑπάγε μετ' αὐτοῦ δύο· καὶ τῶ αἰτοῦντί σε δίδου, καὶ τὸν θέλοντα ἀπὸ σοῦ δανείσασθαι μὴ ἀποστραφῆς. Τί ἂν τις εἴποι πρὸς ταῦτα; Ἐφ' ἐκάστου γὰρ τῶν εἰρημένων δακρύειν μόνον καὶ ἐγκαλύπτεσθαι λείπεται οὕτως ἐκ διαμέτρου πρὸς τὴν ἐναντίαν ἀντεταξάμεθα, εἰς κρίσεις καὶ μάχας καὶ δίκας καὶ ἀμφισβητήσεις τὸν ἅπαντα χρόνον ἀναλίσκοντες, καὶ μηδὲ βραχείαν ἐπήρειαν φέροντες, μὴ τὴν ἀπὸ τῶν πραγμάτων, μὴ τὴν ἀπὸ τῶν ῥημάτων, ἀλλὰ καὶ πρὸς τὸ τυχὸν ἐκθηριούμενοι. Εἰ δὲ ἔχοις τινὰς λέγειν τῶν πολλὰ μὲν ἀνηλωκότων εἰς πένητας, καταφρονουμένων δὲ διὰ τὴν πενίαν ὑστερον, καὶ μυρία πασχόντων κακὰ, ὀλίγους μὲν τούτους καὶ εὐαριθμήτους ἐρεῖς· πλὴν ἀλλ' οὐδὲ οὕτω τὸν ἐνταῦθα ἀναγεγραμμένον ἡμῖν φιλόσοφον ἔδειξας· πολὺ γὰρ οὗτος ἐκείνου τοῦ βίου πνευματικώτερος. Οὐδὲ γὰρ ἔστιν ἴσον ἐκόντα δοῦναι, καὶ ἀποστεροῦμενον πάντων ἐνεγκεῖν. Τί δὲ λέγω ἐνεγκεῖν; ὁ γὰρ ὁ Χριστὸς εἶπε, πολλῶ τούτου πάλιν μείζον ἔστι. Τοσοῦτον δὲ ἀπέστησεν ὁ λόγος τῶν ἀδικουμένων τὰς ψυχὰς τῆς πρὸς τοὺς ἀδικοῦντας ὀργῆς, ὡς μὴ μόνον ὑπὲρ τῶν ἤδη ληφθέντων μὴ δυσχεραίνειν, ἀλλὰ καὶ τῶν ὑπολειφθέντων ἐκόντας παραχωρεῖν, καὶ τῆς ἐκείνων μανίας περὶ τὸ κακῶς ποιεῖν μείζονα περὶ τὸ κακῶς πάσχειν ἐπιδείκνυσθαι τὴν προθυμίαν ἡμᾶς. Ὅταν γὰρ ὁ βουλούμενος ἀδικεῖν εὗρη τὸν ἀδικούμενον πλέον παρεσκευασμένον πρὸς τὸ παθεῖν ἢ περ ἐκείνος ἐβούλετο, καὶ τὴν ἐπιθυμίαν ἐμπλήσας τὴν ἑαυτοῦ, τὸν ἐπηρεασθέντα ἐκ περιουσίας ἴδη φιλοτιμούμενον, ἄπεισιν ἠττημένος, τὴν ὑπερβολὴν τῆς ἀνεξικακίας ἐρυσθριάσας· κὰν γοῦν θηρίον ἦ, κὰν ἕτερόν τι τούτου χαλεπώτερον, μετριώτερος ἔσται τοῦ λοιποῦ, τὴν τε αὐτοῦ κακίαν καὶ τὴν ἀρετὴν ἐκείνου καλῶς ἀπὸ τῆς συγκρίσεως ταύτης ἰδῶν. Τοῦτον ἐγὼ τὸν βίον ἐπιζητῶ νῦν, ὃν μόνον ἐν ταῖς Γραφαῖς κείμενον ὀρῶ, ἀλλαχοῦ δὲ καὶ ἐπὶ τῶν

4. О законах против клятвы стыжусь и говорить, потому что не только клянутся, но и нарушают клятвы непрестанно. Если клятва, и в справедливом деле, виновна и законопреступна, то куда мы отнесем нарушение клятвы? Если то, что сверх да и нет, от лукавого (Мф. 5:37), то кому приписать то, что превышает это последнее? Далее Господь говорит: "А Я говорю вам: не противься злomu. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся". (Мф. 5:39-42). Что можно сказать на это? Относительно всего здесь сказанного остается только плакать и закрываться (от стыда): так мы уклонились в совершенно противоположную сторону, употребляя все время на суды и неприязни, на распри и ссоры, не перенося ни малейшего оскорбления, ни на деле ни на словах, но раздражаясь и за мелочи. Если бы ты мог указать на таких людей, которые, истратив много на бедных, после сами по бедности подвергаются презрению и терпят множество бедствий, то таких насчитал бы немного и даже весьма мало; но и между ними ты не указал бы нам такого добродушного, какой изображен здесь: эта последняя (предписываемая Христом) жизнь гораздо духовнее, чем первая; потому что не все равно дать ли добровольно, или перенести, когда все отнимают у тебя. Что говорю: перенести? Сказанное Христом заключает в себе гораздо более и этого. Слово Его так воспрещает обиженным гневаться на обидевших, что должно не только не скорбеть о том, что уже взято, но и отдавать добровольно то, что осталось, и показывать готовность терпеть зло более, нежели сколько есть страсти у врагов делать нам зло. Так, когда желающий обижать найдет, что обижаемый готов потерпеть более, нежели сколько ему хотелось, и, удовлетворив своей страсти, увидит, что оскорбленный с избытком выказывает свое великодушие, то отойдет прочь, побежденный и посрамленный превосходством терпения; и, хотя бы он был зверь, и даже свирепее его, сделается потом скромнее, ясно увидев из сравнения и свою злость и его добродетель. Такой жизни я и ищу

ἔργων οὐδαμοῦ. Μὴ γάρ μοι τὸν ἡδικημένον εἶπης καὶ στέγοντα· συμβαίνει γὰρ καὶ παρὰ ἀδυναμίαν τοῦτο παθεῖν. Εἰ δὲ καὶ πρὸς τοὺς ὀμοτίμους καὶ οἷς δυνατὸν ἐπεξελεῖν ἐπεδείξατο τοῦτο, ἀλλὰ οὐ μέχρι τοσοῦτου, ὡς καὶ τὴν ἐπιθυμίαν ὑπερακοντίσαι τὴν ἐκείνου, καὶ πλεον ὧν ἐβούλετο δοῦναι, καὶ τοῖς ἐκόντι προστεθεῖσι, τὴν ἐπὶ τοῖς βία ἀποσπασθεῖσι δεῖξαι μακροθυμίαν. Τὸ δὲ τούτων πάλιν ἀνώτερον καὶ αὐτῆς ἀπτόμενον τῆς κορυφῆς, τοὺς τὰ τοιαῦτα ἐργαζομένους εἰς ἡμᾶς, καὶ ἐπηρεάζοντας καὶ χρήμασι καὶ σώμασι καὶ τοῖς ἄλλοις ἅπασιν, ἐν φίλων τάξει, καὶ φίλων τῶν γνησίων κατατάττειν ἐκέλευσεν ὁ Χριστός. Μὴ γὰρ προσδίδου μόνον τῷ ἀρπάζοντι καὶ πλεονεκτοῦντι, φησὶν, ἀλλὰ καὶ φίλει τοῦτον φιλία τῆ σφοδροτάτη καὶ εἰλικρινεῖ. Τοῦτο δὴ, τοῦτο καὶ παραστῆσαι βουλόμενος εἶπεν· *Εὐχεσθε ὑπὲρ τῶν ἐπηρεαζόντων ὑμᾶς· ὅπερ ἐπὶ τῶν σφόδρα ἀγαπωμένων ποιεῖν εἰώθαμεν μόνον. Καὶ ἵνα μὴ πάλιν ὑπερβολῆς νομίσης εἶναι τὰ ῥήματα, καὶ τὴν διαβολικὴν ἐπεισαγάγης ἀπάτην, προστίθησι τῷ πρῶτατι λογισμὸν, καὶ αἰτίαν δικαίαν λέγων· Ἐὰν γὰρ ἀγαπήσητε τοὺς ἀγαπῶντας ὑμᾶς, τίνα μισθὸν ἔχετε; οὐχὶ καὶ οἱ τελῶναι τὸ αὐτὸ τοῦτο ποιοῦσι; Καὶ ἐὰν ἀσπάσησθε τοὺς ἀσπαζομένους ὑμᾶς, τί περισσὸν ποιεῖτε; οὐχὶ καὶ οἱ ἐθνικοὶ τοῦτο ποιοῦσιν; Ὅταν οὖν τῶν τελωνῶν καὶ τῶν ἐθνικῶν μηδὲν κατὰ τοῦτο διαφέρωμεν, πῶς οὐ πενθεῖν ἄξιον καὶ κατακόπτεσθαι; Καὶ εἴθε τοῦτο μόνον ἦν τὸ δεινόν· νῦν δὲ τοσοῦτου ἀποδέομεν τοὺς ἐχθροὺς ἀγαπᾶν, ὡς καὶ τοὺς ἀγαπῶντας ἀποστρέφεισθαι καὶ μισεῖν. Τὸ γὰρ βασκαίνειν καὶ φθονεῖν, καὶ δι' ὧν πρᾶττομεν καὶ δι' ὧν λέγομεν τὴν δόξαν αὐτῶν καθαιρεῖν καὶ τὴν εὐδοκίμησιν, τῶν σφόδρα μισούντων καὶ ἀποστρεφόμενων ἐστίν. Οὕτως οὐ μόνον τῶν ἐθνικῶν οὐδὲν διαφέρωμεν, ἀλλὰ καὶ πολλῶ χειρὸν αὐτῶν ἐν τούτῳ διακείμεθα. Καὶ ὁ μὲν Χριστὸς εὐχεσθαι ὑπὲρ τῶν ἐπηρεαζόντων ἐκέλευσεν, ἡμεῖς δὲ δόλους ῥάπτουμεν, καὶ τοὺς καταρωμένους εὐλογεῖν κελευσθέντες, μυρίαὶ ἀραῖς περιβάλλομεν. Τί ταύτης σφοδρότερον τῆς ἐναντιώσεως γένοιτ' ἂν καὶ τῆς μάχης, ἦν μαχόμεθα τῷ ταῦτα νομοθετήσαντι, πᾶσιν αὐτοῦ τοῖς προστάγμασιν ἐξ ἐναντίας ἰστάμενοι; Τὴν γὰρ τῆς κενοδοξίας τυραννίδα, ἦν αὐτὸς μὲν διὰ τῶν ἐξῆς ῥημάτων κατέλυσεν, ἡμεῖς δὲ ἠϋξήσαμεν, οὐκ ἐπὶ τὰς εὐχὰς μόνον καὶ νηστείας καὶ τὰς ἐλεημοσύνας, ἀλλὰ καὶ ἐπὶ τὰ ἄλλα πάντα ἐλκύσαντες αὐτῆς τὴν ἀρχὴν, καὶ παντὸς μᾶλλον ἀργυρωνήτου τῆς μανίας ταύτης ὑποθέντες ἑαυτοὺς διὰ τὸ πᾶσιν εἶναι δῆλον, παρήμι, τοσοῦτον εἰπὼν, ὅτι τῶν ἀνθρώπων οἱ μὲν εἰς ἐσχάτην καταφρόνησιν ἐκδόντες ἑαυτοὺς, οὐδενὶ τῶν προστεταγμένων προσέχουσιν, οἱ δὲ ἐκ βραχείας*

теперь, какая именно и предложена в Писании, но какой в других местах и на опыте (не нахожу) нигде. Не указывай мне на такого, который обижен и терпит, ибо случается терпеть и по бессилию; но на такого, который в отношении к равносильным и к тем, кому он мог бы мстить, показал бы терпение, хотя и не до такой степени, чтобы превзойти страсть врага и дать ему более, нежели сколько он хотел, и этою добровольною уступкою большего доказал бы свое великодушие и на счет отнятого насильно. Но, что еще выше и этого и что составляет самый верх (добродетели), Христос повелел нам считать друзьями, и друзьями близкими, тех, которые так поступают с нами и причиняют нам вред и в деньгах, и в телесном здоровье, и во всем прочем. Не только, говорит Он, прибавляй хищнику и лихоимцу, но и люби его любовью самую крепкою и искренней. Это именно желал Он выразить, когда сказал: "молитесь за обижающих вас и гонящих вас" (Мф, 5:44; сн. Лк. 6:28). Это мы обыкновенно делаем только за тех, кого весьма любим. И чтобы ты опять не счел этих слов за преувеличение и не подпал дьявольскому обольщению, Он приводит этому доказательство и основательную причину: "Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?" (Мф. 5:46-47)? Если же мы в этом нисколько не отличаемся от мытарей и язычников, то как нам не плакать и не сокрушаться? И если бы зло состояло только в этом! Но теперь мы так далеки от любви к врагам, что отвращаемся и ненавидим даже тех, которые любят (нас); потому что враждовать, завидовать и губить их честь и добрую славу и делами и словами свойственно только тем, кто сильно ненавидит и отвращается. Таким образом, мы в этом не только ничем не отличаемся от язычников, но еще оказываемся гораздо хуже их. Христос повелел "молиться за обижающих," а мы строим ковы; нам повелено "благословлять проклинаящих" (Мф. 5:44), а мы осыпаем тысячею проклятий. Что может быть сильнее этого противоречия и противоборства, какое мы ведем против Законодателя, поступая вопреки всем Его повелениям? Не говорю уже о власти тщеславия, которую Он низложил последующими словами (Мф. 6:18), а мы усилили, распространив эту власть его не только на молитвы, посты и милостыни, но и на все прочее, и подчинив себя этой безумной страсти хуже

μοίρας ὑπακούειν θελήσαντες, καί τινες τῶν ἐντολῶν φυλάξαι σπουδάσαντες, καί οὗτοι πάλιν εἰς τὴν αὐτὴν ἐκείνοις ζημίαν κατέστρεψαν, διὰ τὸ μὴ θελήσαι τῆς κενοδοξίας ἀποδύσασθαι τοὺς δεσμούς. Καί ὁ μὲν οὐδὲ ὅλως δίδωσιν ἐλεημοσύνην, ὁ δὲ παρέχων μὲν τοῖς δεομένοις τινὰ τῶν ἑαυτοῦ, μετὰ κενοδοξίας δὲ τοῦτο ποιῶν, οὐδὲν ἄμεινον τοῦ μὴ δεδωκότος διάκειται. Οὕτως ἅπαντας πανταχόθεν εἰς τὰς ἑαυτοῦ παγίδας ἐνέβαλεν ὁ Πονηρός. Εἰ δέ τις καὶ ταύτην δυνηθεῖη διεκδύναί τὴν βλάβην, ὑπὸ τῆς ἀπονοίας κατασχεθεὶς, πάλιν τὸ αὐτὸ πτῶμα κατέπεσε, μᾶλλον δὲ καὶ πολλῶ χαλεπώτερον· οὐ γὰρ τοῦτο ζημιωθείς μόνον, ὅπερ ἐποίησεν, ἄπεισιν, ἀλλὰ καὶ κακόν τι προσλάβων. Πολλοὺς δὲ ἔγωγε οἶδα, οὐ ταύταις μόνον ἀλικομένους ταῖς αἰτίαις, ἀλλὰ καὶ διὰ τὸ φιλεῖν καὶ διὰ τὸ δυσωπεῖσθαι, καὶ δι' ἑτέρας πολλὰς τοιαύτας ἐπαρκοῦντας προφάσεις τοῖς δεομένοις, οὐ διὰ τὸν τοῦ Θεοῦ φόβον καὶ τὴν ἐντολήν. Τοσοῦτων οὖν ὄντων τῶν λυμαινομένων ταῖς πράξεσι ταῖς ἀγαθαῖς, τίς ταχέως σωθῆναι δυνήσεται τῶν τούτοις περιπεπτωκότων τοῖς κακοῖς;

ε. Τὸ δὲ, Ἄφες ἡμῖν τὰ ὀφειλήματα ἡμῶν, ὡς καὶ ἡμεῖς ἀφίεμεν τοῖς ὀφειλέταις ἡμῶν, τίς ἄρα ὁ μετὰ παρόρησίας ἐρῶν; Κἂν γὰρ μηδὲν ἀδικήσωμεν τοὺς ἐχθροὺς, ἀλλ' ὅμως τὴν πληγὴν ἀνίατον ἔχομεν. Ὁ δὲ Χριστὸς οὐχ οὕτως ἀφιέναι βούλεται μόνον, ἀλλὰ καὶ εἰς τοὺς πρώτους τῶν φίλων αὐτοῦ ἀριθμεῖν. Διὰ τοῦτο γοῦν, καθὼς ἔφθην εἰπὼν, καὶ ὑπερεύχεσθαι τούτων προσέταξεν. Ἐὰν δὲ ἀδικῆς μὲν μηδὲν, ἀποστρέφη δὲ, καὶ οὐχ ἡδέως ὄραξ, καὶ τὸ τραῦμα ἔχης ἐνακμάζον σου τῇ ψυχῇ, οὐπω τὴν ἐντολήν ἐποίησας, ἦν προσέταξέ σοι ὁ Χριστὸς. Πῶς οὖν αὐτὸς ἴλεων γενέσθαι τὸν Θεὸν παρακαλεῖς. τοῖς εἰς σὲ πεπλημμεληκόσιν οὐπω γεγωνῶς ἴλεως αὐτός; Τὸ τοιοῦτον καὶ τίς σοφὸς διασύρων φησὶν· Ἄνθρωπος ἀνθρώπῳ συντηρεῖ ὀργὴν, καὶ παρὰ Κυρίου ζητεῖ ἴασιν; ἐπ' ἄνθρωπον τὸν ὁμότιμον αὐτοῦ οὐκ ἔχει ἔλεος, καὶ περὶ τῶν ἁμαρτιῶν αὐτοῦ δεῖται; αὐτὸς σὰρξ ὢν διατηρεῖ μῆνιν, καὶ τίς ἐξιλάσεται τὰς ἁμαρτίας αὐτοῦ; Ἐβουλόμην σιγήσαι λοιπὸν, καὶ μέχρι τῶν εἰρημένων στήσαι τὸν λόγον· οὕτως αἰσχύνομαι καὶ ἐρυθρῶ περαιτέρω προελθεῖν· τὸν γὰρ πόλεμον τοῦτον, ὃν ἠράμεθα πρὸς τὰς ἐντολάς τοῦ Χριστοῦ, καὶ τὴν ἐχθρὰν τὴν ἀκήρυκτον, προῖων ὁ λόγος τρανότερον δείκνυσιν. Ἀλλὰ τί τὸ κέρδος ἀπὸ τῆς ἡμετέρας σιγῆς, τῶν πραγμάτων οὕτω βοῶντων τὴν μάχην, καὶ πρὸ τῶν πραγμάτων δὲ

всякого невольника, не говорю, потому что это ясно для всех; скажу только, что одни из людей, предавшись крайнему нерадению, не соблюдают никаких заповедей, а другие, если и захотят отчасти покоряться им и постараются исполнить некоторые заповеди, то и они опять впадают в тот же недостаток, не желая сбросить с себя уз тщеславия. Один совсем не подает милостыни, а другой даже если и уделяет нуждающимся несколько из своего имущества, но делает это с тщеславием, и потому оказывается ничем не лучше неподающего. Так дьявол всех совершенно опутал своими сетями! Если же кто сможет избежать этого недостатка, то по неразумию опять впадет в схожий с этим или еще гораздо больший грех; и останется не только без пользы для себя от того, что сделал, но и с причинением себе некоторого зла. Я знаю многих, которые помогают нуждающимся не по этим только причинам, но и по дружбе и из угождения и по многим другим подобным побуждениям, а не по страху Божию и не по заповеди. Итак, когда есть столько обстоятельств вредящих добрым делам, то кому из подверженных этим недостаткам легко будет спастись?

5. А слова: "прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим"(Мф. 6:12) кто может произнести смело? Мы если и не мстим врагам, то и не залечиваем (нанесенной нам) раны. А Христос желает, чтобы мы не только прощали, но и принимали врагов в число первых друзей. Поэтому, как я сказал выше, Он и повелел молиться за них. Если же ты, хотя и не делаешь зла (врагу), однако отвращаешься от него, смотришь на него с неудовольствием и хранишь в душе рану свою неисцельною, то ты еще не исполнил заповеди, которую дал тебе Христос. Как же ты просишь Бога, чтобы Он был милостив (к тебе), когда сам ты не милостив к оскорбившим тебя? Посмеваясь этому, один мудрец говорит: "Человек питает гнев к человеку, а у Господа просит прощения; к подобному себе человеку не имеет милосердия, и молится о грехах своих; сам, будучи плотию, питает злобу, кто очистит грехи его?"(Сир. 28, 35)? Хотел бы я уже замолчать и остановить речь на том, что сказано: так стыдно и совестно продолжать далее, потому что дальнейшая речь еще яснее покажет эту борьбу и непримиримую вражду, которую мы оказываем против заповедей Христовых. Но что пользы от нашего молчания, когда дела вопиют об этой вражде, а еще прежде

αὐτῶν τοῦ μέλλοντος κρίνειν ἡμᾶς πάντα εἰδότης σαφῶς; Τὸ μὲν οὖν μὴ θησαυρίζειν ἐπὶ τῆς γῆς, ἀλλ' ἐν οὐρανῷ, εἰ καὶ ὀλίγους, ὅμως εὗροι τις ἂν κατωρθωκότας καλῶς· οἱ γὰρ λοιποὶ πάντες ὥσπερ τοῦναντίον ἀκούσαντες, καὶ παραγγελθέντες ἐπὶ τῆς γῆς θησαυρίζειν, οὕτως ἀφιέντες τὸν οὐρανὸν, προστετήκασιν ἅπασιν τοῖς ἐν τῇ γῇ, καὶ περὶ τῶν χρημάτων μαίνονται συλλογῆν, καὶ τὸν Θεὸν μισήσαντες, ἀγαπῶσι τὸν μαμωνᾶν· τὸ δὲ, Μὴ μεριμνήσητε περὶ τὴν αὐριον, οὐδένα οὔτε ἀκούσαντα, οὔτε πεισθέντα οἶδα ἐγὼ διὰ τὴν ὀλιγοπιστίαν ἡμῶν. Διὰ τοῦτο ταύτην ἐγκαλυψάμενος παρελεύσομαι τὴν ἐντολήν. Ἔδει μὲν γὰρ καὶ ἀπλῶς ἀποφαινόμενον πιστεῦεσθαι τὸν Χριστόν· νῦν δὲ οὐδὲ λογισμοὺς ἀναντιρρόητους εἰπὼν, καὶ ὑποδείγματα παραγαγὼν, τὸ τε τῶν ὀρνίθων καὶ τοῦ χόρτου, πιστεύεται παρ' ἡμῶν, ἀλλ' ὁμοίως τοῖς ἔθνεσι, τάχα δὲ καὶ μικροψυχότερον ὑπὲρ τῆς τούτων φροντίδος δακνόμεθα, καὶ μηδὲ εὐχεσθαι ὑπὲρ αὐτῶν κελευσθέντες, ἅπασαν περὶ ταῦτα τὴν σπουδὴν ἀναλίσκομεν. Ταύτην οὖν, ὅπερ ἔφην, ἐρυθριάσας παρελεύσομαι τὴν ἐντολήν· ἐπὶ δὲ τοῖς μετὰ ταῦτα ἦξω, εἰ πῶς τινα τῆς αἰσχύνῃς ταύτης εὗρω παραμυθίαν μικράν. Τί τοίνυν μετὰ ταῦτα λέγει; Μὴ κρίνετε, ἵνα μὴ κριθῆτε. Ἐγὼ μὲν οὖν παραμυθίαν ὧμην εὕρησιν τῆς ἡμετέρας αἰσχύνῃς, ὁρῶ δὲ προσθήκην οὐκ ἐλάττονα τῶν προτέρων. Εἰ γὰρ καὶ μηδὲν ἕτερον ἡμῖν πεπλημμέλητο, τοῦτο γοῦν ἱκανὸν εἰς ἐσχάτην γέενναν ἀπαγαγεῖν· οὕτω τῶν μὲν ἐτέροις ἀμαρτανομένων πικροὶ καθήμεθα δικασταί, τὰς δὲ ἑαυτῶν δοκοῦς παρορῶμεν, καὶ εἰς τὸ τὰ τῶν ἄλλων πολυπραγμανεῖν καὶ καταδικάζειν δαπανᾶται ἡμῖν ἅπας ὁ βίος. Καὶ οὐδένα ἂν εὗροις ταχέως οὐ βιωτικὸν ἄνδρα, οὐ μοναχὸν, οὐ τοῦ κλήρου, ταύτης ἐλεύθερον τῆς ἀμαρτίας· καίτοι γε τοσαύτης ἀπειλῆς κειμένης αὐτῇ· Ἐν ᾧ γὰρ κρίματι κρίνετε, κριθήσεσθε, φησί· καὶ, Ἐν ᾧ μέτρω μετρεῖτε, ἀντιμετρηθήσεται ὑμῖν. Ἀλλ' ὅμως κόλασιν μὲν τοσαύτην, ἡδονὴν δὲ τῆς ἀμαρτίας οὐδεμίαν ταύτης ἐχούσης, ἅπαντες ἐπιτρέχομεν τῷ κακῷ, καθάπερ σπουδάζοντες καὶ φιλονεικοῦντες, μὴ μόνον διὰ μιᾶς, ἀλλὰ καὶ διὰ πολλῶν ὁδῶν εἰς τὴν τῆς γεέννης κάμινον εἰσελθεῖν. Καὶ οὐ πρὸς τὰ δοκοῦντα ἐπίπονα εἶναι μόνον, ἀλλὰ καὶ πρὸς τὰ κουφότερα τούτων ὁμοίως ἀναπεπτώκαμεν, ἐπ' ἴσης καὶ ταῦτα κάκεῖνα παραβαίνοντες, καὶ δεικνύντες διὰ τῶν ῥάστων, ὅτι καὶ τὰ ἐπιπονότερα διὰ τὴν οἰκείαν καταφρόνησιν, οὐ διὰ τὸ βαρὺ τῶν προσταγμάτων οὐκ ἐξανύομεν. Ποῖον γὰρ, εἰπέ μοι, πόνον ἔχει, τὸ μὴ πολυπραγμανεῖν τὰ ἀλλότρια, μηδὲ καταδικάζειν τὰ τῶν πλησίον πλημμελήματα;

самых дел ясно все знает Тот, Кто будет судить нас? Заповедь не собирать себе "сокровища на земле, но на небе" (Мф. 6:19, 20), хотя и немногие, однако находятся исполняющие верно; прочие же все, как будто услышав противоположную заповедь, как будто имея повеление собирать сокровища на земле, оставили небо и прилепились ко всему земному, с безумной страстью собирают богатство и, возненавидев Бога, любят маммону. Что же касается до заповеди: "не заботьтесь о завтрашнем дне" (Мф. 6:34), то я не знаю никого, кто бы слушался и повиновался ей, по маловерию нашему. Поэтому, от стыда, пройду молчанием эту заповедь. Хотя надлежало бы верить Христу и тогда, как Он просто объявляет, но теперь мы не верим Ему, когда Он представил и неопровержимые доказательства, и привел примеры, именно птиц и травы; напротив, подобно язычникам и даже с большим, нежели они, малодушием, терзаемся попечением (о земном), и о чем даже не получили повеления молиться, на то истощаем всю свою заботливость. Посему эту заповедь, со стыдом, как я сказал, пройду молчанием, и перейду к последующему, не найду ли там хоть малое облегчение своего стыда. Что же после этого говорит (Христос)? "Не судите, да не судимы будете" (Мф. 7:1). Здесь я думал найти облегчение своего стыда, но вижу приращение его не меньше, чем от предыдущего. Если бы мы не сделали даже никакого другого греха, то уже этот один может свести нас в преисподнюю геенну: так мы строго осуждаем чужие грехи, а у себя (в глазах) не видим бревен (ст. 3); так мы тратим всю свою жизнь на разведывание и осуждение чужих дел! И не скоро найдешь, и между мирянами и между монахами и клириками, такого, кто был бы свободен от этого греха, несмотря на относящуюся к нему такую угрозу: "ибо каким судом судите, [таким] будете судимы; и какою мерою мерите, [такую] и вам будут мерить" (ст. 2). И однако, несмотря на то, что этот грех подвергает такому наказанию, а несколько не доставляет удовольствия, мы все бежим на зло, как будто стараясь и соревнуя войти в гееннскую печь не одною, а многими дорогами. Мы одинаково грешим не только в отношении к более трудным, но и в отношении к легчайшим (заповедям); нарушая равно и эти и те, и преступлением легчайших доказываем, что мы и труднейших не исполняем по своему небрежению, а не по трудности самых заповедей. Так, скажи мне, какой труд в том, чтобы не разведывать о чужих делах и не осуждать грехов

Τούναντίον μὲν οὖν, πόνου δεῖται τὸ περιεργάζεσθαι καὶ κρίνειν ἐτέρους. Τίς οὖν ταῦτα ἀκούσας πιστεύσει ποτὲ ἡμῖν, ὅτι ἐκ ῥαθυμίας, ἀλλ' οὐκ ἀπὸ σπουδῆς καὶ τοῦ μὴ βούλεσθαι πρὸς τὸ παρακούειν ἤλθομεν; Ὅταν γὰρ ἂ μὲν ἐπιτάττει ποιεῖν, εὐκόλα καὶ ῥᾶστα τοῖς βουλομένοις, ἂ δὲ ἀπαγορεύει χαλεπώτερα καὶ ἐπίπονα, ἡμεῖς δὲ τὰ προστεταγμένα ἀφέντες, τὰ κεκωλυμένα πράττομεν, ἄρα οὐχ ὡς φιλονεικοῦντας αὐτῶ ταῦτα ἀμαρτάνειν φήσουσιν ἡμᾶς οἱ ἐχθροί; Καὶ γὰρ, ὅτι πόνον οὐδένα ἔχει τὰ ἐπιτάγματα τοῦ Χριστοῦ, αὐτὸς ἀπεφήνατο λέγων· Ἄρατε τὸν ζυγὸν μου ἐφ' ὑμᾶς· ὁ γὰρ ζυγὸς μου χρηστὸς, καὶ τὸ φορτίον μου ἐλαφρὸν ἐστίν. Ἀλλ' ἡμεῖς ὑπὸ τῆς ἀφάτου ῥαθυμίας, φορτικὰ τὰ κοῦφα ποιοῦμεν φαίνεσθαι τοῖς πολλοῖς. Τῶ μὲν οὖν ἀργεῖν καὶ καθεῦδειν βουλομένῳ διαπαντὸς καὶ τὸ σιτίων μετασχεῖν καὶ πότου πάντως ἐπίπονον εἶναι δοκεῖ· οἱ δὲ ἐργηγορότες καὶ νήφοντες οὐδὲ πρὸς τὰ πάνυ θαυμαστὰ καὶ δυσκατόρθωτα ἀναδύονται, ἀλλὰ μετὰ πλείονος οὔτοι θάρσους κατατολμῶσιν αὐτῶν, ἢ τῶν σφόδρα εὐκόλων οἱ παρειμένοι καὶ ὑπνηλοί. Οὐδὲν γὰρ, οὐδὲν οὕτως ἐστὶ ῥάδιον, ὃ μὴ σφόδρα βαρὺ καὶ ἐπαχθὲς ὁ πολὺς δείκνυσιν ὄκνος ἡμῖν, ὡσπερ ἐπίπονον καὶ δυσχερὲς, ὃ μὴ λίαν εὐκόλον ἢ σπουδῆ καὶ ἢ προθυμία ποιεῖ. Τί γὰρ, εἶπέ μοι, τοῦ καθ' ἐκάστην ἡμέραν κινδυνεύειν κινδύνους θάνατον ἀπειλοῦντας χαλεπώτερον ἦν; Ἀλλ' ὅμως ἐλαφρὸν τοῦτο ὁ μακάριος ἐκάλεσε Παῦλος, οὕτως λέγων· Τὸ γὰρ παραυτίκα ἐλαφρὸν τῆς θλίψεως, καθ' ὑπερβολὴν εἰς ὑπερβολὴν αἰώνιον βᾶρος δόξης κατεργάζεται ἡμῖν. Εἰ γὰρ καὶ τῆ φύσει τὸ πρᾶγμα βαρὺ, ἀλλὰ τῆ τῶν μελλόντων ἐλπίδι γίνεται κοῦφον· ἦν δὴ καὶ αὐτὸς αἰτίαν τέθεικεν εἰπὼν· Μὴ σκοποῦντων ἡμῶν τὰ βλεπόμενα, ἀλλὰ τὰ μὴ βλεπόμενα.

στ. Ἰδωμεν δὲ καὶ τὰ ἐξῆς. Μὴ δῶτε, φησὶ, τὰ ἅγια τοῖς κυσί, μηδὲ ρίψητε τοὺς μαργαρίτας ὑμῶν ἐμπροσθεν τῶν χοίρων. Ὁ μὲν οὖν Χριστὸς καὶ ἐν προστάγματος τάξει τὴν ἐντολὴν δέδωκεν· ἡμεῖς δὲ ὑπὸ κενοδοξίας καὶ φιλοτιμίας ἀλόγου καὶ τοῦτο τὸ πρόσταγμα ἀνετρέψαμεν, ἀνθρώπους φθόρους καὶ ἀπίστους καὶ μυρίων γέμοντας κακῶν ἀπλῶς καὶ ἀνεξετάστως εἰς τὴν τῶν μυστηρίων παραδεχόμενοι κοινωνίαν, καὶ πρὶν ἢ τῆς οἰκείας γνώμης δοῦναι βᾶσανον ἀκριβῆ, πάντα τὸν περὶ τῶν δογμάτων αὐτοῖς ἐκκαλύπτοντες λόγον, καὶ τὰ προπύλαια οὐπω δυνηθέντας ἰδεῖν ἀθρόως εἰς τὰ ἄδυτα ἄγοντες. Διὰ γοῦν τοῦτο τῶν οὕτω τελεσθέντων τινὲς ταχέως ἀποπηδήσαντες, μυρία

ближнего? Напротив, труд нужен на то, чтобы разведывать и судить о других. Кто же, услышав это, поверит когдалибо нам, что мы дошли до нарушения (заповедей) по беспечности, а не с намерением и не по желанию? Когда то, что (Господь) повелевает делать, легко и удобно для желающих (исполнять), напротив то, что Он воспрещает, более тяжело и трудно, а мы, опуская повеленное, делаем запрещенное, не могут ли враги сказать, что мы грешим по желанию сопротивляться Ему? А что заповеди Христовы не имеют в себе ничего трудного, это объяснил сам Он, в словах: "возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко"(Мф. 9:2930). Но мы, по неизъяснимой беспечности, делаем то, что легкое кажется для многих трудным. Кто хочет ничего не делать, а всегда спать, тому, конечно, кажется трудным и есть и пить; напротив, люди бдительные и бодрые не уклоняются и от весьма дивных и трудных дел, но приступают к ним с большею смелостью, чем беспечные и сонливые к весьма легким. Нет, точно нет ничего легкого, чего бы великая лень не представила нам весьма тяжелым и трудным; равно как нет ничего трудного и тяжкого, чего бы усердие и ревность не сделали весьма легким. Что, скажи мне, могло бы быть тяжелее, как всякий день терпеть опасности, угрожающие смертию? Однако блаженный Павел и это назвал легким, сказав так: "Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу"(2 Кор. 4:17). И трудное само по себе дело становится легким по надежде на будущее; эту (причину) привел и сам (Павел), сказав: "когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое" (ст. 18).

6. Посмотрим и дальше. Не давайте, говорит Христос, "святыни псам, не бросайте жемчуга вашего перед свиньями" (Мф. 7:6). Христос дал эту заповедь как повеление, а мы, по тщеславию и неразумному дружелюбию, нарушили и это повеление, допуская к общению таинств, просто и без исследования, людей развратных, неверующих и исполненных множества пороков; прежде точного дознания их нрава открываем им все учение о догматах и сразу вводим в святилище тех, которые еще не могут видеть и преддверия. Поэтому некоторые из посвященных таким образом, скоро сделавшись отступниками, наделали множество зла. И мы

εἰργάσαντο δεινά. Καὶ οὐκ ἐπὶ τῶν ἄλλων μόνον, ἀλλὰ καὶ ἐφ' ἡμῶν αὐτῶν τὴν φοικωδεστάτην ταύτην παραβλέπομεν ἐντολήν, ἥνικα ἂν τῶν ἀθανάτων μυστηρίων δέοι μετασχεῖν, μετὰ τῆς ἐγκειμένης ἡμῖν ἀκαθαρσίας τε καὶ ἀναισχυντίας τοῦτο ποιοῦντες πολλάκις. Οὐ ταύτας δὲ μόνον τὰς ἐντολάς, ἀλλὰ καὶ τὰς ἐξῆς ὑπὸ πάντων ὀλοσχερῶς ἀνατετραμμένας ἴδοι τις ἂν, Εἰπόντος γὰρ τοῦ Χριστοῦ, Ὅσα ἐὰν θέλητε ἵνα ποιῶσιν ὑμῖν οἱ ἄνθρωποι, οὕτω καὶ ὑμεῖς ποιεῖτε αὐτοῖς· ἡμεῖς πάντα ποιοῦμεν ἅ πάσχειν μὴ θέλομεν, καὶ κελευσθέντες διὰ τῆς στενῆς πύλης εἰσελθεῖν, τὴν εὐρύχωρον ἐπιζητοῦμεν πανταχοῦ, Καὶ τὸ μὲν τῶν βιωτικῶν τινὰς ταύτην ἀσπάζεσθαι καὶ φιλεῖν, οὐ σφόδρα ἐστὶ θαυμαστόν· τὸ δὲ ἄνδρας ἐσταυρωῦσθαι δοκοῦντας πλεον ἐκείνων ἀνιχνεύειν αὐτὴν, τοῦτό ἐστὶ τὸ πολλῆς ἐκπλήξεως γέμον, μᾶλλον δὲ καὶ αἰνίγματι ἔοικε τὸ πρᾶγμα. Τῶν γὰρ μοναχῶν ὡς ἐπιπολὺ πάντων ταῦτα εὐθέως πρῶτον ἀκούση τὰ ῥήματα, εἴ ποτε αὐτοὺς εἰς οἰκονομίαν τινὰ παρακαλέσεις ἐλθεῖν, ἐρωτώντων εἴ γε ἀναπαύσιν ἔστιν εὐρεῖν, καὶ εἴ γε δύναται ἀναπαῦσαι ὁ καλῶν, καὶ ἄνω καὶ κάτω πολὺ τὸ τῆς ἀναπαύσεως ὄνομα. Τί λέγεις, ἄνθρωπε; τὴν τεθλιμμένην κελευσθεὶς βαδίζειν ὁδὸν περὶ ἀναπαύσεως ἐρωτᾷς, καὶ διὰ τῆς ἐστενοχωρημένης προσταχθεὶς πύλης εἰσελθεῖν εὐρύχωρον ἐπιζητεῖς; καὶ τί ταύτης τῆς διαστροφῆς χειρὸν γένοιτ' ἂν; Ἴνα δὲ μὴ νομίσης ἑτέρους με καταδικάζοντα ταῦτα λέγειν νῦν, τὸ ἑμαυτοῦ σοὶ ἐρῶ. Ὅτε γὰρ πρῶην ἐγὼ ἐγνώκειν, τὴν πόλιν ἀφεις, ἐπὶ τὰς σκηνάς τῶν μοναχῶν ἐλθεῖν, πολὺς ἤμην τοῦτο ἐρευνῶν καὶ πολυπραγμονῶν, πόθεν ἢ τῶν ἀναγκαίων ἔσται χορηγία, καὶ εἰ δυνατόν ἄρτον ἐσθίειν ἐφήμερόν τε καὶ νεαρὸν, καὶ εἰ μὴ τις ὁ καταναγκάζων ἐλαίῳ χρῆσθαι τῷ αὐτῷ πρὸς λύχνον τε καὶ τροφήν, εἰ μὴ τις ὁ πρὸς τὴν τῶν ὀσπρίων ταλαιπωρίαν ὠθῶν καὶ εἰς ἔργον ἐμβάλλων χαλεπὸν, οἷον σκάπτειν ἢ ξυλοφορεῖν κελεύων ἢ ὑδροφορεῖν, καὶ τὰ ἄλλα πάντα τὰ τοιαῦτα ὑπηρετεῖν· καὶ ὅλως ὁ περὶ τῆς ἀναπαύσεως λόγος ἦν πολὺς ἡμῖν. Καὶ οἱ μὲν τὰς τῶν ἀρχόντων ὑπηρεσίας καὶ τὰς τῶν δημοσίων διοικήσεις ἀναδεχόμενοι, τούτων πολυπραγμονοῦσιν οὐδὲν, ἀλλ' εἰ μόνον κέρδος ἔχοι τὸ πρᾶγμα, κέρδος ἐπίκαιρον, κἂν ὑπὲρ τούτου θαρρόησαι δυνηθῶσί ποτε, οὐ πόνους, οὐ κινδύνους, οὐκ ἀτιμίας, οὐ διακονίας δουλοπρεπεῖς, οὐκ ἀποδημίας μακράς, οὐ τὴν ἐν ἀλλοτρίᾳ διαγωγὴν, οὐχ ὕβρεις, οὐ βασάνους, οὐ καιρῶν μεταβολὴν, οὐ τὸ πρὸς τῷ τέλει σφαλῆναι τῆς ἐλπίδος πολλάκις, οὐ θανάτους ἀώρους, οὐ τὸν τῶν οἰκείων χωρισμὸν, οὐ γυναικὸς ἐρημίαν καὶ παίδων, οὐκ ἄλλο οὐδὲν δυσχερῶν ἐννοοῦσι

нарушаем эту весьма страшную заповедь не только по отношению к другим, но даже и по отношению к самим себе, когда, имея нужду приобщиться бессмертных таин, часто делаем это с присущей нам нечистотою и с бесстыдством. И не только эти заповеди всеми всецело нарушаются, но, как оказывается, и последующие. Так Христос сказал: "Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними" (Мф. 7:12). А мы делаем (другим) все, чего сами терпеть не хотим; и, имея повеление входить (в царство небесное) тесными вратами (ст. 13), ищем везде широких. И что таких врат желают и домогаются некоторые из мирян, это не очень удивительно; но что мужи, которые, повидимому, распялись (для мира), ищут их более, чем миряне, это изумительно, даже походит на загадку. От всех почти монахов, если пригласишь их на какоелибо дело, тотчас услышишь прежде всего вопросы в таких словах: можно ли им найти покой, может ли приглашающий успокоить их; постоянно повторяется слово: покой. Что говоришь ты, человек? Тебе повелено идти тесным путем, а ты спрашиваешь о покое? Тебе заповедано входить узкими вратами, а ты ищешь широких? Что может быть хуже такого извращения дела? А чтобы ты не подумал, будто я теперь говорю это в осуждение других, расскажу тебе о самом себе. Когда я недавно решил, оставив город, уйти в келии монахов, то много раздумывал и беспокоился о том, откуда мне будет доставляемо необходимое и можно ли будет есть хлеб, новоиспеченный в тот же день; не заставят ли меня употреблять одно и то же масло и в свечнике и в пище, не принудят ли питаться жалкими овощами, не отправят ли на тяжелую работу, приказав например рубить или носить дрова, таскать воду, и исполнять все прочие такого рода службы? И вообще у меня было много заботы о (своем) покое. Между тем люди, принимающие на себя должности начальников и управление общественными делами, нисколько не заботятся об этом (покое), но только о том, будет ли дело иметь пользу, пользу временную, и если могут надеяться на это, то уже не думают ни о трудах, ни об опасностях, ни о бесславии, ни об унижительных работах, ни о дальних путешествиях, ни о жизни на чужбине, ни об огорчениях, ни о муках, ни о перемене обстоятельств, ни о возможности совершенного неисполнения надежд, ни о безвременной смерти, ни о разлуке с родными, ни об одиночестве жены и детей, ни о другой какой

λοιπόν· ἀλλ' ὑπὸ τῆς τῶν χρημάτων ἐπιθυμίας ἐκβακχευθέντες, πάντα ὑπομένουσι, δι' ὧν ταύτης ἐπιτεύξεσθαι προσδοκῶσιν. Ἡμεῖς δὲ, οὐ χρημάτων οὐδὲ γῆς προκειμένης ἡμῖν, ἀλλ' οὐρανῶν καὶ τῶν ἐν τοῖς οὐρανοῖς ἀγαθῶν, ἃ μήτε ὀφθαλμὸς εἶδε, μήτε οὖς ἤκουσε, μήτε ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου ἀνέβη, ὑπὲρ ἀναπαύσεως πυνθανόμεθα· τοσοῦτόν ἐσμεν ἐκείνων ἐλεεινότεροι καὶ μαλακώτεροι. Τί φῆς, ἄνθρωπε; πρὸς τὸν οὐρανὸν στέλλεσθαι μέλλων, καὶ τὴν βασιλείαν τὴν ἐκεῖσε λαμβάνειν, ἐρωτᾶς εἴ τι δυσχερὲς κατὰ τὴν ὁδὸν ταύτην καὶ τὴν ἀποδημίαν ἐστὶ, καὶ οὐκ αἰσχύνῃ οὐδὲ ἐρυθριᾶς, οὐδὲ ἀπελθῶν κατορῦττεις σαυτόν; Κἂν γὰρ ἅπαντα ἢ τὰ ἐν ἀνθρώποις δεινὰ, κἂν λοιδορίαι, κἂν ὕβρεις, κἂν ἀτιμῖαι, κἂν συκοφαντίαι, κἂν ξίφος, κἂν πῦρ, κἂν σίδηρος καὶ θηρία καὶ καταποντισμοὶ, κἂν λιμὸς καὶ νόσος καὶ ὅσα ἐξ ἀρχῆς εἰς τὸ παρὸν ὁ βίος ἤνεγκε χαλεπὰ, οὐ καταγελάσεις πάντων, εἰπέ μοι, καὶ καταφρονήσεις; ἐννοήσεις δὲ ὅλως ταῦτα; Καὶ τί ταύτης γραωδέστερον γένοιτ' ἂν τῆς ψυχῆς, τί δὲ ταπεινότερόν τε καὶ ἀθλιώτερον; Τὸν γὰρ τῆ τῶν οὐρανίων ἐπιθυμία ληφθέντα οὐ λέγω μόνον, ὅτι ἀνάπαυσιν οὐ χρῆ ζητεῖν, ἀλλ' οὐδὲ παρούσης αἰσθάνεσθαι. Ἡ πῶς οὐκ ἄτοπον, τοὺς μὲν ἀτόπως ἐρῶντας οὕτως εἶναι τῶν ἐρωμένων ὅλους, ὡς πλὴν ἐκείνων καὶ τῆς ἐκείνων συνουσίας μηδὲν ἡγεῖσθαι ἕτερον ἢδὺ τῶν ἐν τῷ παρόντι βίῳ, καίτοι γε ὄντων πολλῶν· ἡμᾶς δὲ οὐκ ἀτόπω τινι, ἀλλὰ τῷ πάντων ἀνωτέρῳ ληφθέντας ἔρωτι μὴ μόνον παρούσης ἀναπαύσεως μὴ καταφρονεῖν, ἀλλὰ καὶ ἀποῦσαν ἐκζητεῖν;

ζ. Οὐπω οὐδένα, ἀγαπητέ, τῶν οὐρανίων ἔλαβεν ἐπιθυμία καλῶν, καθὼς λαβεῖν χρῆ· ἢ γὰρ ἂν πάντα τὰ δοκοῦντα εἶναι χαλεπὰ, σκιὰν ἐνόμισε καὶ γέλωτα πολὺν. Ὁ μὲν οὖν τὰ παρόντα θαυμάζων, οὐκ ἂν ἀξιωθεῖη τῆς τῶν μελλόντων θεωρίας ποτέ· ὁ δὲ τούτων ὑπερορῶν, καὶ οὐδὲν ἄμεινον σκιᾶς καὶ ὄνειρατος διακεῖσθαι πάντα νομίζων, ταχέως ἐπιτεύξεται τῶν μεγάλων ἐκείνων καὶ πνευματικῶν. Καὶ γὰρ οἷς ἂν γνησίως τοῦτο παραγένηται τὸ καλόν, τοσαύτην ἐπιδεικνυται τὴν ἰσχὺν, ὅσην ἐν ταῖς ἀκάνθαις τὸ πῦρ, κἂν ὑπὸ μυριῶν ἀγχόμενον εὖρη κακῶν, κἂν πολλὰ τὰ σχοινία τῶν ἁμαρτημάτων περικείμενα, κἂν σφόδρα τῶν ἐπιθυμιῶν τὴν φλόγα καίουσαν, καὶ πολὺν τῶν βιωτικῶν πραγμάτων περιεστώτα τὸν θόρυβον, πάντα εὐθέως ἐκεῖνα σφοδρᾶ τινι μάστιγι κατάκρας ἐλαύνουσα πόρρω καθίστησι τῆς ψυχῆς. Καὶ καθάπερ πρὸς ἀνέμου βίαν ῥαγδαίου οὐκ ἂν ποτε σταίῃ κόνις λεπτή, οὕτως οὐδὲ ἀτόπων ἐπιθυμιῶν πλῆθος κατανύξεως ῥύμην ἐμπεσοῦσαν δυνήσεται ἐνεγκεῖν, ἀλλ'

неприятности; но упоенные страстью к деньгам, переносят все, посредством чего только надеются удовлетворить ее. А мы, которым уготованы не деньги и не земля, но небеса и небесные блага, которые "не видел глаз, не слышало ухо", и которые "не приходили на сердце человеку" (1 Кор. 2:9), мы спрашиваем о покое? Так мы более их жалки и слабы! Что говоришь ты, человек? Ты намереваешься идти на небо и получить там царство, и спрашиваешь, нет ли какой трудности на этом пути и в этом путешествии, не стыдишься, не краснеешь и не бежишь скрыться под землю? Хотя бы там были все человеческие бедствия, злословия, обиды, бесчестия, клеветы, меч, огонь, железо, звери, потопления, голод, болезнь, и вообще все беды, какие случаются в жизни от начала доселе, неужели ты не посмеешься, скажи мне, и не презришь все это? Даже подумаешь ли об этом? Что было бы глупее, ниже и жалче такой души? Объятому желанием небесного не должно, не говорю искать покоя (телесного), но и наслаждаться им, когда он имеется. Не странно ли, что, тогда как любящие нечистою любовью так всецело предаются своим возлюбленным, что кроме их и пребывания с ними, не находят ничего приятного в других удовольствиях настоящей жизни, как ни много их, мы, объятые не какоюлибо нечистою, но самую возвышенною любовью, не только не пренебрегаем покоем, когда его имеем но еще ищем, когда его нет?

7. Никем еще, возлюбленный, не овладело желание небесных благ, как следовало бы овладеть; иначе он почел бы тенью и посмешищем все то, что (теперь) кажется трудным. Так, кто увлекается настоящим, тот никогда не удостоится увидеть будущие блага; а кто презирает здешнее и все считает не лучше тени и сновидения, тот скоро получит те великие и духовные блага. И если у кого действительно будет это благое (настроение), то оно окажет такую же силу, как огонь в терновнике; и хотя бы (такого человека) угнетало множество зол, хотя бы опутывали его многие верви грехов, хотя бы сильно горел в нем пламень похоти и окружало его великое смятение житейских дел, это (желание небесных благ), как бы крепким бичем, совершенно рассеет все такое и удалит от души. Как легкая пыль не может устоять против напора сильного ветра, так и множество нечистых пожеланий не может выдержать устремившейся против них силы сокрушения, но исчезает и

ἀφανίζεται καὶ διαχεῖται τῆς κόνεως καὶ καπνοῦ θάττον παντός. Εἰ δὲ ὁ τῶν σωμάτων ἔρωσ οὕτω δουλοῦται ψυχὴν, ὡς πάντων αὐτὴν ἀπαγαγεῖν, καὶ τῇ τῆς ἐρωμένης προσηλῶσαι τυραννίδι μόνη, τί οὐκ ἂν ὁ τοῦ Χριστοῦ πόθος ἐργάσαιτο, καὶ τὸ δέος τῆς ἐκεῖθεν ἀλλοτριώσεως; Ὡσπερ γὰρ χαλεπὸν, μᾶλλον δὲ καὶ ἀδύνατον, ἀναμίξαι ὕδατι πῦρ, οὕτω, οἶμαι, τρυφὴν καὶ κατάνυξιν εἰς ταυτὸ συναγαγεῖν· ἐναντία γὰρ ταῦτα, καὶ ἀλλήλων εἰσὶν ἀναιρετικά. Ἡ μὲν γὰρ δακρύων ἐστὶ μήτηρ καὶ νήψεως, ἡ δὲ γέλωτος καὶ παραφορᾶς· καὶ ἡ μὲν κούφην καὶ ὑπόπτερον ἐργάζεται τὴν ψυχὴν, ἡ δὲ αὐτὴν μολίβδου παντός βαρυτέραν καθίστησι. Καὶ τοῦτο οὐκ ἀπὸ τῶν ἑμαυτοῦ λόγων, ἀλλ' ἀπ' αὐτοῦ τοῦ κατασχεθέντος τῇ ἐπιθυμίᾳ ταύτῃ τῇ καλῇ παραστῆσαι πειράσομαι. Τίς οὖν οὗτός ἐστιν; Ὁ διάπυρος ἐραστής τοῦ Χριστοῦ Παῦλος, ὃς οὕτως ἐτρόθη τούτῳ τῷ πόθῳ, ὥστε στένειν μὲν ἐπὶ τῇ μελλήσει καὶ διατριβῇ τῆς ἐνθύνδε ἀποδημίας· Καὶ γὰρ οἱ ὄντες, φησὶν, ἐν τῷ σκῆνι τούτῳ στενάζομεν· ἐπόθει δὲ καὶ ἐβούλετο ἔτι μένειν ἐνθάδε διὰ τὸν Χριστόν. Τὸ γὰρ ἐπιμένειν με, φησὶ, τῇ σαρκὶ ἀναγκαιότερον δι' ὑμᾶς· τουτέστιν, ἵνα ἐπιδοθῇ ἡ πίστις ἢ εἰς τὸν Χριστόν. Διὰ τοῦτο καὶ λιμὸν καὶ δίψαν καὶ γυμνότητα καὶ δεσμὰ καὶ θανάτους καὶ διαποντίους ἀποδημίας καὶ ναυάγια καὶ τὰ ἄλλα πάντα, ἃ κατέλεξε, ἔφερε, καὶ οὐ μόνον οὐκ ἐβαρύνετο τούτοις, ἀλλὰ καὶ ἔχαιρε· τὸ δὲ αἴτιον ἦν ἡ ἀγάπη τοῦ Χριστοῦ. Διὸ καὶ ἔλεγεν· Ἐν τούτοις γὰρ, φησὶ, πᾶσιν ὑπερникῶμεν διὰ τοῦ ἀγαπήσαντος ἡμᾶς. Καὶ μὴ θαυμάσης· εἰ γὰρ ἀνθρώπων φιλία θανάτου πολλάκις κατατολμῆσαι ἐποίησε, τί οὐκ ἂν ἐργάσαιτο ἡ τοῦ Χριστοῦ; ποίαν δυσχέριαν οὐκ ἂν ἐξευμαρίσειεν; Οὕτως ἐκείνῳ πάντα φορητὰ ἦν πρὸς τὸν ποθοῦμενον ὁρῶντι μόνον, καὶ τὸ δι' ἐκεῖνον ἅπαντα πάσχειν, πάσης ἡδονῆς καὶ ἀπολαύσεως ἡγουμένῳ μεῖζον, ὥσπερ οὖν καὶ ἔστιν. Οὐδὲ γὰρ ἐνόμιζεν εἶναι ἐν τῇ γῆ, οὐδὲ ἐν τῷ παρόντι βίῳ, οὐδὲ μετὰ ἀνθρώπων στρέφεσθαι, ἀλλ' ὡς ἤδη τὴν οὐράνιον λῆξιν ἔχων, καὶ μετὰ ἀγγέλων πολιτευόμενος, καὶ τὴν βασιλείαν ἀπολαβὼν, καὶ πρόσωπον πρὸς πρόσωπον ἀπολαύων, οὕτω κατεφρόνει τῶν ἐν τῷ παρόντι ἡδέων τε καὶ λυπηρῶν, καὶ ἀναπαύσεως αὐτῷ λόγος οὐδεὶς ἦν, ὃ συνεχῶς ἐπιζητεῖται παρ' ἡμῶν, ἀλλὰ ἐβόα λέγων· Μέχρι τῆς ἄρτι ὥρας καὶ πεινώμεν καὶ διψῶμεν, καὶ γυμνητεύομεν, καὶ κολαφιζόμεθα, καὶ ἀστατοῦμεν, καὶ κοπιῶμεν ἐργαζόμενοι ταῖς ἰδίαις χερσί· λοιδορούμενοι εὐλογοῦμεν, διωκόμενοι ἀνεχόμεθα, βλασφημούμενοι παρακαλοῦμεν. Καὶ πάλιν, Ὡσπερ εἰ καθάρματα τοῦ κόσμου ἐγενήθημεν, πάντων περίψημα ἕως ἄρτι. Καθάπαξ γὰρ τοὺς ὀφθαλμοὺς τῆς ψυχῆς στρέψας εἰς τὸν οὐρανὸν,

рассеивается скорее всякой пыли и дыма. Если плотская любовь так поработает душу, что отвлекает ее от всего и подчиняет влиянию одной возлюбленной, то чего не сделает любовь ко Христу и страх быть отлученным от Него? Как трудно и даже невозможно смешать огонь с водою, так, думаю, невозможно совместить наслаждение (земными благами) с сокрушением; потому что они противоположны и взаимно исключают друг друга. Одно есть мать слез и трезвенности, а другое смеха и неумеренности; одно делает душу легкою и окрыленною, а другое приводит ее в состояние тяжелейшее всякого свинца. И это я попытаюсь доказать не моими словами, но того, кто сам был объят этою прекрасною любовью. Кто же это такой? Пламенный любитель Христа, Павел, который так был уязвлен этою любовью, что даже стонал о замедлении и продолжительности здешнего странствования: "находясь в этой хижине", говорит он, "воздыхаем" (2 Кор. 5:4); однако готов был и желал еще оставаться здесь для Христа: "а оставаться во плоти", говорит он, "нужнее для вас" (Флп. 1:24), то есть, для того, чтобы распространилась вера во Христа. Поэтому он переносил и голод, и жажду, и наготу, и узы, и (опасности) смерти, и морские путешествия, и кораблекрушения, и все прочие беды, им самим исчисленные; и не только не тяготился ими, но еще радовался, а причиною тому была любовь Христова. Потому он и говорил: "Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас" (Рим. 8:37). И не удивляйся этому: если любовь человеческая часто побуждала решаться на смерть, то чего не сделает любовь Христова? Какой не облегчит трудности? Так и ему все было легко, потому что он взирал только на возлюбленного (Христа), и для Него все терпеть считал выше всякого удовольствия и наслаждения, что и действительно так. Он даже и не думал, что он находится на земле, в настоящей жизни, и обращается с людьми; но как будто уже имел небесный жребий, обитал с ангелами, получил царство и наслаждался (созерцанием Бога) лицом к лицу, поэтому презирал и радости и горести настоящей жизни, и нисколько не заботился о покое, которого мы ищем постоянно, но восклицал так: "Даже донныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками" И еще: "мы как сор для мира, [как] прах, всеми [попираемый] донныне"(1 Кор. 4:11-13). Обратив же очи души на небо и прилепившись к тамошней красоте, он не хотел уже опять

καὶ τὸ ἐκεῖ κάλλος καταπλαγεῖς, οὐκ ἠνέσχετο πρὸς τὴν γῆν ὑποστρέψαι πάλιν· ἀλλ' ὥσπερ τις πτωχὸς καὶ πένης ἐν οἰκίσκῳ γνοφῶδει καὶ ταπεινῷ τὸν ἅπαντα χρόνον κατακλεισθεὶς, ἐπὶ ἴδη βασιλέα χρυσῷ τε πολλῷ καὶ λίθων ἀστραπαῖς ἀποστύλβοντα, οὐκ ἂν ἔλοιτο λοιπὸν οὐδὲ εἰς νοῦν τὴν τῆς οἰκείας πτωχείας οἰκίαν λαβεῖν, ἀλλ' ἅπαντα πραγματεύσεται ὑπὲρ τοῦ μεταστῆναι πρὸς ἐκείνην τὴν οἰκισιν, ἂν ἐξῆ· οὕτω καὶ ὁ μακάριος ἐκεῖνος κατοπτεύσας τὰ ἐν τοῖς οὐρανοῖς, κατεφρόνει τῆς ἐνθάδε πενίας, καὶ τοῖς ἀνθρώποις διὰ τὴν τοῦ σώματος ἀνάγκην συναναστρεφόμενος, πρὸς οὐδὲν τῶν ἐνθάδε ἐπεστρέφετο, ἀλλ' ὅλον ἑαυτὸν πρὸς τὴν πόλιν ἐκείνην μετέθηκε. Καὶ τί λέγω τὰ ἐν τῷ παρόντι βίῳ λυπηρά; τοσοῦτον ἐπένευσεν εἰς αὐτὸν ὁ τοῦ Χριστοῦ πόθος, ὡς εἶ γε προέκειτο καὶ τὰς ἀθανάτους κολάσεις ἐκείνας ὑπενεγκεῖν ἕνεκεν τοῦ Χριστοῦ, μηδ' ἂν τοῦτο παραιτήσασθαι ποτε. Οὐ γὰρ ὥσπερ ἡμεῖς οἱ μισθωτοὶ γέενναν δεδοικότες, καὶ τῆς βασιλείας ἐφιέμενοι, οὕτω καὶ ἐκεῖνος ἐδούλευε τῷ Χριστῷ, ἀλλ' ἑτέρῳ τινὶ πολλῷ τούτου βελτίονι καὶ μακαρίῳ πόθῳ ληφθεὶς, ἔπασχέ τε καὶ ἔπραττεν ἅπαντα δι' ἕτερον μὲν οὐδὲν, ἵνα δὲ παραμυθῆσθαι τὸν ἕρωτα μόνον, ὃν εἶχεν εἰς τὸν Χριστόν· ὃς οὕτως αὐτοῦ κατὰ κράτος εἶλε τὸν λογισμόν, ὡς καὶ ὁ πάντων αὐτῷ τιμιώτερον ἦν, τὸ συνεῖναι τῷ Χριστῷ λέγω, ὑπὲρ οὗ καὶ γεέννης κατεφρόνησε καὶ βασιλείας οὐρανῶν, καὶ τούτου πάλιν ἀλλοτριωθῆναι ἐκῶν, ἐλόμενος διὰ τὸν Χριστόν καὶ τὴν ἄφατον ἔκπτωσιν, ὡς ἐν τι τῶν εὐκταϊοτάτων, ἀσπάζεσθαι καὶ μετὰ πολλῆς ἐλέσθαι τῆς προθυμίας.

η. Καὶ τάχα νῦν μὲν ἀσαφὲς εἶναι δοκεῖ πολλοῖς τὸ λεχθὲν· ὅταν δὲ αὐτὸ σαφέστερον εἶπω, τότε πάλιν ἄπιστον εἶναι δόξει τούτοις, οἷς πρότερον ἦν ἀσαφές. Καὶ οὐδὲν θαυμαστόν· καὶ γὰρ καὶ ὁ μακάριος ἐκεῖνος προσδοκήσας ἀπιστηθῆσθεσθαι περὶ τούτων, διὰ τοῦτο προλαβὼν ἔλεγεν· *Ἀλήθειαν λέγω ἐν Χριστῷ, οὐ ψεύδομαι, συμμαρτυροῦσης μοι τῆς συνειδήσεώς μου ἐν Πνεύματι ἁγίῳ*. Καὶ ὁμως τοσαῦτα τῷ λόγῳ προσθεῖς, καὶ μάρτυρας αὐτοῦ τῆς συνειδήσεως καλέσας τοιοῦτους, ἀπιστεῖται καὶ νῦν ἔτι. Τί τοίνυν τοῦτό ἐστιν ὃ φησιν; Ἄκουε. Διαλεχθεὶς περὶ τῶν ἐν τῷ κόσμῳ τούτῳ δεινῶν, καὶ εἰπὼν, ὅτι *Τίς ἡμᾶς χωρίσει ἀπὸ τῆς ἀγάπης τοῦ Χριστοῦ; θλίψις, ἢ στενοχωρία, ἢ διωγμός, ἢ λιμὸς, ἢ γυμνότης, ἢ κίνδυνος, ἢ μάχαιρα;* καὶ πάντα διελθὼν τὰ ἐπὶ τῆς γῆς, ἄνεισιν εἰς τὸν οὐρανόν, καὶ δεῖξαι βουλόμενος, ὅτι οὐδὲν μέγα τῶν ἐνταῦθα κολαστηρίων καταφρονεῖν διὰ τὸν Χριστόν,

возвратиться на землю; но как бедняга и нищий, все время скрывавшийся в темной и низкой хижине, увидев царя блистающего золотом и лучами камней, не захочет уже и подумать о своем бедном жилище, а будет всячески стараться о переселении в другое жилище, если это возможно; так и блаженный (Павел), увидев небесные блага, смотрел с пренебрежением на здешнюю бедность и, по необходимости, телесно обращаясь с людьми, ни к чему здешнему не прилеплялся, а всецело переселился в тот (небесный) град. И что я говорю о горестях настоящей жизни? Любовь Христова так воодушевила его, что если бы ему предстояло терпеть для Христа и вечные наказания, он никогда не отказался бы и от этого, потому что он служил Христу не так, как (служим) мы, наемники, страшась геенны и желая царствия. Быв объят какоюто другой, несравненно лучшей и блаженнейшей любовью, он и терпел и делал все не для чего иного, как для того, чтобы только удовлетворить любви, которую питал ко Христу и которая так овладела умом его, что он охотно расстался бы и с тем, что для него было дороже всего, т. е. пребыванием со Христом, для чего он пренебрегал и геенной и царством небесным, решившись для Христа встретить и с великой готовностью принять, как одно из вожделеннейших благ, даже и это невыразимое отлучение (от Христа за израильяны, Рим. 9:3).

8. Сказанное мною теперь, может быть, многим покажется неясным; а когда я скажу то же яснее, тогда опять покажется невероятным для тех, кому прежде было неясно. И это несколько не удивительно; сам блаженный (Павел), ожидая, что ему не поверят в этом, предварительно сказал: "Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом" (Рим. 9:1). Однако, несмотря на то, что он присовокупил в своему изречению такие слова и призвал таких свидетелей своей совести, и ему теперь еще не верят. Что же именно говорит он? Послушай. После речи о бедствиях в этом мире, сказав: "Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?" (Рим. 8:35), и перечислив все, что на земле, он восходит на небо; и желая показать, что пренебрегать для Христа здешними наказаниями не великое дело,

ἐπήγαγεν, ὅτι Οὐτε ἄγγελοι, οὔτε ἀρχαί, οὔτε δυνάμεις, οὔτε ἐνεστώτα, οὔτε μέλλοντα, οὔτε ὑψωμα, οὔτε βάθος, οὔτε τις κτίσις ἑτέρα δυνήσεται ἡμᾶς χωρίσαι ἀπὸ τῆς ἀγάπης τοῦ Θεοῦ, τῆς ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ τῷ Κυρίῳ ἡμῶν. Ὁ δὲ λέγει, τοιοῦτόν ἐστιν· Οὐ μόνον ἄνθρωποι οὐ δυνήσονται ταύτης διασπάσαι με τῆς φιλίας, ἀλλ' οὐδὲ ἄγγελοι, οὐδ' ἂν εἰ πᾶσα. τῶν οὐρανίων συνέλθοιεν εἰς ταυτὸ δυνάμεις, τοῦτο ἰσχύσουσι. Τί λέγω; οὐδ' ἂν βασιλείας ἐκπεσεῖν δέη, οὐδ' ἂν εἰς γέενναν ἐμπεσεῖν διὰ τὸν Χριστόν, οὐδὲ τοῦτο μοι φοβερόν. Τὸ γὰρ ὑψωμα καὶ βάθος, καὶ ζωὴ καὶ θάνατος, οὐδὲν ἕτερον ἢ τοῦτο ἐμφαίνει. Ταῦτα δὲ ἔλεγεν, οὐχ ὡς ἀγγέλων ἐπιχειρησόντων αὐτὸν διαστήσαι τοῦ Χριστοῦ, ἀλλὰ καὶ τὰ μηδόλως ἐκβησόμενά ποτε ὑποτίθεται τῷ λόγῳ, ἵνα δυνηθῇ τὸν πολὺν πόθον, ὃν εἶχε, παραστήσαι καὶ ποιῆσαι κατάδηλον ἅπασιν. Τοιοῦτον γὰρ τὸ τῶν φιλοῦντων ἔθος ἐστίν· οὐ στέγουσι σιγῇ κατέχειν τὸν ἔρωτα, ἀλλ' εἰς τοὺς ἐπιτηδεῖους ἅπαντας τὴν φλόγα ἐκφέρουσι, τῷ συνεχῶς διηγείσθαι τοῦ πόθου τὴν ὑπερβολὴν διαναπαύοντες αὐτῶν τὴν ψυχὴν. Ὅπερ οὖν καὶ ὁ μακάριος ἐκεῖνος τότε ἐποίησε· καὶ πάντα τῷ λόγῳ περιλαβὼν, τὰ ὄντα, τὰ ἐσόμενα, τὰ συμβάντα, τὰ μηδέποτε συμβησόμενα, τὰ ὄρατὰ καὶ τὰ ἀόρατα, καὶ πᾶσαν κόλασιν, καὶ πᾶσαν ἀνάπαυσιν, ὡσπερ οὐκ ἀρκοῦντων τούτων αὐτῷ πρὸς τὴν τοῦ πάθους παράστασιν, ἕτερα τοσαῦτα πάλιν οὐχ ὑφεστώτα ὑποστηράμενος τῷ λόγῳ καὶ θεῖς (τὸ γὰρ, *Κτίσις ἑτέρα*, τῶν οὐχ ὑφεστώτων ἐστίν), οὕτως ἐπήγαγε, δηλῶν ὅτι πάντων τῶν εἰρημένων οὐδὲν ἡμᾶς χωρίσαι δυνήσεται τῆς ἀγάπης τοῦ Θεοῦ τῆς ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ τῷ Κυρίῳ ἡμῶν. Καὶ ἐκεῖνος μὲν πρὸς τοσοῦτον ὕψος τὸν ἑαυτοῦ πόθον ἀνήψεν· ἡμεῖς δὲ οἱ κελευσθέντες εἶναι αὐτοῦ μιμηταί, οὐδὲ τὰς ἐνθάδε θλίψεις φέρομεν εὐχερῶς, ἀλλὰ ἀλύομεν καὶ δυσανασχετοῦμεν τῶν πυρεττόντων οὐκ ἔλαττον. Ἡ γὰρ μακρὰ αὕτη νόσος, ἣ καταλαβοῦσα τὰς ἡμετέρας ψυχὰς, ἀνίατος τῷ χρόνῳ γέγονεν, ὡς εἰπεῖν, καὶ τῆς εἰλικρινοῦς ὑγείας οὐδὲ ἔννοιαν δυνάμεθα λαβεῖν, ἀλλὰ καὶ ἀδύνατος εἶναι δοκεῖ ἡμῖν λοιπὸν ἢ ταύτης ἀνάκτησις. Κὰν ἀκούσωμέν τινος τοὺς ἀποστόλους εἰς μέσον ἄγοντος, καὶ τὰ ἐκείνων κατορθώματα λέγοντος, δέον εὐθέως καὶ πενθῆσαι ἑαυτοὺς, ὅτι τοσοῦτον αὐτῶν ἀφεστήκαμεν, οὐδὲ ἀμάρτημα τὸ πρᾶγμα εἶναι νομίζομεν, ἀλλ' ὡς οὐδὲ δυνατόν πρὸς ἐκεῖνο φθάσαι τὸ ὕψος, οὕτω διακείμεθα. Κὰν ἔρηταί τις τὴν αἰτίαν, εὐθέως τὴν ἄλογον ταύτην ἀπολογίαν προβαλλόμεθα λέγοντες· Ἐκεῖνος Παῦλος ἦν, κἀκεῖνος Πέτρος ἦν, κἀκεῖνος Ἰωάννης. Τί ἐστίν, Ἐκεῖνος Παῦλος ἦν, ἐκεῖνος Πέτρος ἦν; οὐ τῆς αὐτῆς φύσεως, εἰπέ μοι, καὶ

прибавил: "ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь" (Рим. 8:3889). Смысл слов его такой: не только люди не будут в состоянии отвлечь меня от этой любви, но и ангелы, и даже если соберутся вместе все небесные силы, и они не будут в состоянии сделать этого. Что я говорю? Даже если бы надлежало для Христа лишиться царствия или низринуться в геенну, и это мне не страшно. Это, а не другое что, означают слова: высота, и глубина, и жизнь, и смерть. А так говорил он не потому, что ангелы станут усиливаться отлучить его от Христа; но он на словах предполагает то, чего и быть никогда не может, чтобы изобразить и объяснить всем свою великую любовь. Таково свойство любящих: они не могут молчать о своей любви, но обнаруживают свой пламень пред всеми ближними, непрерывною беседою о превосходстве любви успокаивая свою душу. Так поступил и блаженный (Павел): обняв словом все, что есть и что будет, что случается и чего никогда не случится, видимое и невидимое, всякое наказание и всякую отраду, он, как будто этого ему было недостаточно для выражения своего чувства, предположив и выразив словом столько же других несуществующих предметов (к этим несуществующим предметам относится выражение: "другая какая тварь"), таким образом показал, что из всего сказанного ничто "не может отлучить его от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем" (Рим 8:39). На такую высоту поднял свою любовь (Павел); а мы, получившие повеление подражать ему (1 Кор. 11:1), не переносим благодушно и здешних скорбей, но сетуем и ропщем не менее одержимых горячкой. Продолжительная болезнь эта, охватившая наши души, от продолжительности сделалась, там сказать, неизлечимой, и мы не можем даже подумать о совершенном здоровье, которого восстановление нам кажется уже невозможным. И если услышим, что ктолибо указывает на апостолов и говорит об их подвигах, мы вместо того, чтобы тотчас заплакать о себе, что мы так отстали от них, не считаем и за грех эту (отсталость), но ведем себя так, как будто и невозможно взойти на такую высоту. А если ктонибудь спросит о причине, мы тотчас представляем такое неразумное оправдание: то был Павел, то был Петр, то Иоанн. Что значит: то был Павел, то был Петр? Не ту же ли природу, скажи мне, имели и они? Не тем же ли, как и мы, путем пришли они в жизнь? Не той же ли питались пищею? Не тем

οὗτοι μετεῖχον; οὐ διὰ τῆς αὐτῆς ὁδοῦ παρήχθησαν εἰς τὸν βίον ἡμῖν, οὐ ταῖς αὐταῖς ἐτρόφησαν τροφαῖς; οὐ τὸν αὐτὸν ἀνέπνευσαν ἀέρα; οὐ πράγμασιν ἐχρήσαντο τοῖς αὐτοῖς; οὐχ οἱ μὲν αὐτῶν καὶ γυναῖκας εἶχον καὶ παῖδας, οἱ δὲ καὶ τέχνας βιωτικὰς, ἕτεροι δὲ καὶ εἰς αὐτὸ τῆς κακίας τὸ βάραθρον κατηνέχθησαν; Ἀλλὰ πολλῆς ἀπήλαυσαν, φησὶ, τῆς τοῦ Θεοῦ χάριτος. Ἀλλ' εἰ μὲν νεκροὺς ἀναστῆσαι ἐκελευόμεθα, ἢ ὀφθαλμοὺς ἀνοίξαι τυφλῶν, ἢ καθαρίσαι λεπροὺς, ἢ χωλοὺς ἀνορθῶσαι, ἢ δαίμονας ἐκβαλεῖν, καὶ τὰς ἄλλας τὰς τοιαύτας ἰᾶσθαι νόσους, καιρὸν ἂν εἶχε τὰ τῆς ἀπολογίας ταύτης ἡμῖν· εἰ δὲ πολιτείας ἐξέτασις πρόκειται νῦν, καὶ ὑπακοῆς ἐπίδειξις, ποῖον ταῦτα πρὸς ἐκείνον ἂν ἔχοι λόγον; Καὶ γὰρ καὶ σὺ θείας ἀπήλαυσας χάριτος βαπτιζόμενος, καὶ Πνεύματος μετέσχες, εἰ καὶ μὴ πρὸς τὸ τὰ σημεῖα ποιεῖν, ἀλλ' ὅσον ἀρκεῖ πρὸς τὸ πολιτεῖαν ὀρθῆν καὶ ἠκριβωμένην λαβεῖν ὥστε ὀραθυμίας μόνον τῆς ἡμετέρας ἐστὶν ἡ διαστροφή. Καὶ ὁ Χριστὸς δὲ κατὰ τὴν ἡμέραν ἐκείνην οὐ τοῖς τὰ σημεῖα ἐργασασμένοις ἀπλῶς τὰ ἔπαθλα δίδωσιν, ἀλλὰ τοῖς τὰ προστάγματα πεποιηκόσι τὰ αὐτοῦ. Δεῦτε γὰρ, φησὶν, οἱ εὐλογημένοι τοῦ Πατρὸς μου, κληρονομήσατε τὴν ἡτοιμασμένην ὑμῖν βασιλείαν ἀπὸ καταβολῆς κόσμου, οὐχ ὅτι ἐθαυματουργήσατε, ἀλλ' ὅτι Ἐπέινασα, καὶ ἐδώκατέ μοι φαγεῖν· ἐδίψησα, καὶ ἐποτίσατέ με· ξένος ἦμην, καὶ συνηγάγετέ με· γυμνός, καὶ περιεβάλετέ με· ἠσθένησα, καὶ ἐπεσκέψασθέ με· ἐν φυλακῇ ἦμην, καὶ ἤλθετε πρὸς μέ. Καὶ ἐν τοῖς μακαρισμοῖς δὲ οὐδαμοῦ τοὺς τὰ θαύματα ποιοῦντας τίθησιν, ἀλλὰ τοὺς βίον ἔχοντας ὀρθόν.

θ. Ὅστε εἰ καὶ ἐκείνη συνέσταλται νῦν ἡ χάρις, οὐδὲν ἡμᾶς παραβλάψαι τοῦτο δυνήσεται, ἀλλ' οὐδὲ ἀπολογήσασθαι ὑπὲρ ἡμῶν, ὅταν τὰς εὐθύνας ὑπέχωμεν τῶν πεπραγμένων. Καὶ γὰρ τοὺς μακαρίους ἐκείνους οὐ διὰ τὰ σημεῖα θαυμάζομεν· τοῦτο γὰρ ὅλον τῆς τοῦ Θεοῦ δυνάμεως ἦν· ἀλλ' ὅτι πολιτεῖαν ἐπεδείξαντο ἀγγελικὴν· τοῦτο δὲ μετὰ τῆς ἄνωθεν ῥοπῆς καὶ τῆς αὐτῶν σπουδῆς ἔργον ἐστί. Καὶ οὐκ ἐγὼ τοῦτο λέγω νῦν, ἀλλὰ καὶ αὐτὸς ἐκεῖνος ὁ τοῦ Χριστοῦ μιμητής. Ὅτε γὰρ πρὸς τοὺς ψευδαποστόλους διετείετο γράφων τοῖς μαθηταῖς, καὶ τὸ μέσον τῆς δοκίμου τε καὶ κιβδήλου διακονίας παραστήσαι ἐβούλετο, οὐκ ἀπὸ τῶν σημείων, ἀλλ' ἀπὸ τῶν κατορθωμάτων αὐτοῦ τοῦτο ἐποίησεν, οὕτως λέγων· Διάκονοι Χριστοῦ εἰσι; παραφρονῶν λαλῶ; ὑπὲρ ἐγώ· ἐν κόποις περισσοτέρως, ἐν φυλακαῖς περισσοτέρως, ἐν πληγαῖς ὑπερβαλλόντως, ἐν θανάτοις πολλάκις· ὑπὸ Ἰουδαίων πεντάκις τεσσαράκοντα παρὰ μίαν ἔλαβον, τρις ἐρράβδισθην,

же ли дышали воздухом? Не теми же ли пользовались вещами? Не имели ли одни из них жен и детей, другие и житейские ремесла, а иные даже не низвергались ли в самую бездну зла? Но они, скажет кто-нибудь, пользовались великою благодатью Божиею! Так, если бы нам повелевалось воскрешать мертвых, или отверзать очи слепых, или очищать прокаженных, или исправлять хромых, или изгонять демонов и врачевать другие подобные болезни: тогда уместно было бы такое наше оправдание. Но если теперь требуется строгость жизни и изъявление послушания (закону Христову), то как идет к этому такое оправдание? И ты при крещении получил благодать Божию и стал причастником Духа, если и не столько, чтобы творить чудеса, то сколько нужно иметь для правильной и благоустроенной жизни; таким образом наше разращение происходит единственно от нашей беспечности. И Христос в тот день (суда) будет давать награды не тем, которые только делали чудеса, но тем, которые исполняли Его заповеди. "Приидите", скажет Он, "благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира," не за то, что вы творили чудеса, но за то, что "алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; 36 был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне." (Мф. 25:34-36). И в учении о блаженствах Он нигде не упоминает о делающих чудеса, а только о ведущих жизнь праведную (Мф. 5:312).

9. Итак, хотя благодать ныне сократилась, однако это несколько не может повредить нам, но не послужит и к нашему оправданию, когда мы будем давать отчет в делах. И тем блаженным (апостолам) мы удивляемся не за чудеса, потому что чудеса вполне зависели от силы Божией, но за то, что они явили жизнь ангельскую; а эта жизнь, при высшей помощи, есть дело и их собственного усердия. Это не я теперь говорю, но сам подражатель Христов (Павел). Когда он в послании к ученикам опровергал лжеапостолов и хотел показать различие между чистым и нечистым служением, то указал не на чудеса, но на подвиги свои, следующими словами: "Христовы служители? (в безумии говорю:) я больше. Я гораздо более [был] в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока [ударов] без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза

ἅπαξ ἐλιθάσθην, τρίς ἐναυάγησα, νυχθήμερον ἐν τῷ βυθῷ πεποίηκα· ὁδοιπορίαίς πολλάκις, κινδύνοις ποταμῶν, κινδύνοις ληστῶν, κινδύνοις ἐκ γένους, κινδύνοις ἐξ ἔθνων, κινδύνοις ἐν πόλει, κινδύνοις ἐν ἐρημίᾳ, κινδύνοις ἐν θαλάσῃ, κινδύνοις ἐν ψευδαδέλφοις, ἐν κόπῳ, ἐν μόχθῳ, ἐν ἀγρυπνίαις πολλάκις, ἐν λιμῷ καὶ δίψει, ἐν νηστείαις πολλάκις, ἐν ψύχει καὶ γυμνότητι. Χωρὶς τῶν παρεκτός, ἢ ἐπισύστασις μου ἢ καθ' ἡμέραν, ἢ μέριμνα πασῶν τῶν Ἐκκλησιῶν. Τίς ἀσθενεῖ, καὶ οὐκ ἀσθενῶ; τίς σκανδαλίζεται, καὶ οὐκ ἐγὼ πυροῦμαι; Διὰ ταῦτα θαυμάζω τοὺς ἀποστόλους ἐγὼ ὡς οἱ γε τούτων χωρὶς ἐπιδείξασθαι σημεῖα διὰ τινος οἰκονομίας συγχωρηθέντες οὐ μόνον οὐκ ἐγένοντο θαυμαστοὶ, ἀλλὰ καὶ ἀδόκιμοι, καθὼς καὶ ὁ Χριστὸς δείκνυσι λέγων· Πολλοὶ ἐροῦσί μοι ἐν ἐκείνῃ τῇ ἡμέρᾳ· Κύριε, Κύριε, οὐ τῷ σῶ ὀνόματι προεφητεύσαμεν, καὶ τῷ σῶ ὀνόματι δαιμόνια ἐξεβάλομεν, καὶ τῷ σῶ ὀνόματι πολλὰς δυνάμεις ἐποιήσαμεν; Καὶ ἐρῶ αὐτοῖς· Ἀποχωρεῖτε ἀπ' ἐμοῦ, πάντες οἱ ἐργαζόμενοι τὴν ἀνομίαν· οὐδέποτε ἔγνω ὑμᾶς. Διὰ τοῦτο καὶ τοῖς μαθηταῖς παρήνει λέγων· Μὴ χαίρετε ὅτι τὰ δαιμόνια ὑμῖν ὑποτάσσεται, ἀλλ' ὅτι τὰ ὀνόματα ὑμῶν γέγραπται ἐν τοῖς οὐρανοῖς. Πολιτεία μὲν γὰρ ὀρθὴ καὶ τούτων χωρὶς ἀπολήψεται τοὺς στεφάνους, καὶ οὐδὲν ἔλαττον ἔξει παρὰ τοῦτο τότε· βίος δὲ παράνομος οὐδὲ μετὰ σημείων δυνήσεται τὴν κόλασιν ἐκφυγεῖν. Ὡστε περιττός ἡμῖν ὁ λόγος οὗτός ἐστιν, οὗ περιττός δὲ μόνον, ἀλλὰ καὶ ἐπικίνδυνος, καὶ πολλοῖς τῶν αἰρετικῶν παρέχων λαβὰς. Εἰ γὰρ μὴ διὰ τὴν οἰκείαν ἐκείνοι προαίρεσιν οὕτως ἐγένοντο θαυμαστοὶ, ἀλλὰ διὰ τὴν τοῦ Χριστοῦ χάριν μόνον, τί τὸ κωλύον ἅπαντας τοιούτους γενέσθαι; Ἦ γὰρ χάρις εἰ μὴ τὰ παρ' ἡμῶν πρότερον ἐζήτει, ἀθρόως ἂν εἰς τὰς ἀπάντων ἐξεχύθη ψυχὰς· οὐ γὰρ ἐστὶ προσωπολήπτης ὁ Θεός· ἐπειδὴ δὲ τὰ παρ' ἡμῶν ζητεῖ, διὰ τοῦτο τοῖς μὲν ἔπεται καὶ παραμένει, τῶν δὲ ἀφίπταται, εἰς δὲ τοὺς λοιποὺς οὐδὲ τὴν ἀρχὴν καθικνεῖται. Ὅτι δὲ προαίρεσιν πρότερον ἐξετάσας, οὕτω τὴν χάριν ἔδωκεν ὁ Θεὸς πρὶν ἢ τι θαυμαστὸν ἐπιδείξασθαι τὸν μακάριον ἐκείνον, ἄκουσον τί περὶ αὐτοῦ φησὶ· Σκεῦος ἐκλογῆς μοί ἐστι, τοῦ βαστάσαι τὸ ὄνομα μου ἐνώπιον ἔθνων τε καὶ βασιλέων, καὶ παντός γένους Ἰσραὴλ. Ταῦτα οὐπω τῆς χάριτος παρούσης ἐμαρτύρησεν ὁ τὰς καρδίας ἐμβατεύων ἡμῶν. Μὴ δὴ σφάλλωμεν ἑαυτοὺς, ἀγαπητοὶ, ἀδύνατον εἶναι λέγοντες γενέσθαι κατὰ Παῦλόν τινα. Τῆς μὲν γὰρ χάριτος καὶ τῶν σημείων ἔνεκεν οὐκέτι Παῦλος ἕτερος ἔσται λοιπὸν, τῆς δὲ ἀκριβείας τοῦ βίου, τῶν βουλομένων ἕκαστος τοιοῦτος γένοιτ' ἂν· εἰ δὲ μὴ εἰσὶ, παρὰ τὸ μὴ βούλεσθαι μόνον. Ἀλλὰ γὰρ οὐκ οἶδα πῶς εἰς τοῦτο ἀλογίας ἐξέπεσον, κατὰ

я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине [морской]; много раз [была] в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на службе и в наготe. Кроме посторонних [приключений], у меня ежедневно стечение [людей], забота о всех церквах. Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?" (2 Кор. 11:23-29)? За это я удивляюсь апостолам; а без этого, получившие по домостроительству (Божью) власть чудотворения не только не заслужили бы удивления, но даже сделались бы отверженными, как показывает и Христос, когда говорит: "Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие" (Мф. 7:22-23). Поэтому Он и ученикам внушал: "однакож тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах" (Лк. 10:20). Жизнь праведная и без чудес получит венцы и ничего тогда не потеряет; а жизнь беззаконная и с чудесами не может избежать наказания. Итак сказанное нами оправдание неуместно, и не только неуместно, но даже опасно, и для многих еретиков служит предлогом. Если апостолы сделали столь дивными не по собственному своему изволению, а только по благодати Христовой, то что препятствует и всем сделаться такими же? Благодать, если бы наперед не требовала зависящего от нас, вдруг излилась бы в души всех, потому что у Бога нет лицемерия; а так как она требует и зависящего от нас, то за одними следует и пребывает в них, от других удаляется, к иным же и вовсе не приходит. А что еще прежде, нежели блаженный (Павел) совершил чтолибо дивное, Бог, узнав сначала его расположение, уже дал ему благодать, узнай из того, что Он говорит об нем: "он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями и сынами Израилевыми" (Деян. 9:15). Так Испытующий сердца наши засвидетельствовал, когда (у Павла) еще не было благодати. Не будем же, возлюбленные, обманывать себя и говорить, что никому

Παῦλον ζητῶν τινὰς τῶν νῦν, οὐδὲ κατὰ τοὺς τρίτους ἢ τοὺς τετάρτους μετ' ἐκείνων δυνάμενος ἰδεῖν. Διὰ ταῦτα πενθεῖν δὴ χρὴ καὶ δακρῦειν καὶ ὀδύρεσθαι, οὐ μίαν οὐδὲ δευτέραν ἡμέραν μόνον, ἀλλὰ τὸν βίον ἅπαντα· εἰ γὰρ τις εἰς ταύτην τὴν ἕξι καταστήσειεν ἑαυτὸν, δυσκόλως ἀμαρτήσεται τοῦ λοιποῦ. Καὶ εἰ διαπιστεῖς τῷ λόγῳ, τοὺς πενθοῦντας ἐξέτασον, πένθη λέγω τὰ κοσμικὰ, μὴ τούτων τινὰ τῶν πολλῶν καὶ τὸν ἐπίπονον ζῶντων βίον, ἀλλ' ἐκείνων τῶν ἀβρῶν, καὶ οὐδὲν ἕτερον εἰδότην ἢ τρυφᾶν. Οὗτοι γὰρ, οὗτοι οἱ μεθύειν μελετῶντες καὶ γαστριζέσθαι, οἱ τὰ μὲν ἄριστα συντελοῦντες μέχρις ἐσπέρας, τὰ δὲ δεῖπνα εἰς μέσας νύκτας ἐκτείνοντες, οἱ τὰ τῶν ἄλλων ἀρπάζοντες, καὶ οὔτε χήρας, οὔτε πένητος, οὔτε ἀδυνάτου φειδόμενοι, οἱ πολλὴν ὠμότητα ἐπιδεικνύμενοι, εἴ ποτε πένθει ληφθεῖεν σφοδρῶ καὶ δυναμένῳ κάτωθεν ἀναστρέψαι καὶ διαταράξαι ψυχὴν, πάσας ἐκείνας τὰς βλακῶδεις ἐπιθυμίας καὶ παρανόμους ἐκβαλόντες, εἰς τὸν τῶν φιλοσόφων μετατίθενται βίον, σκληραγωγίαν, ἀγρυπνίαν, χαμευνίαν, καρτερίαν, νηστείαν, σιγὴν, ἐπιείκειαν, ταπεινότητα, φιλανθρωπίαν ἐπιδεικνύμενοι πολλήν. Καίτοι γε τὰ ἑτέρων ἀρπάζοντες καὶ τὰ ἑαυτῶν ἠδέως ἂν πρόοιντο κατ' ἐκείνων τὸν καιρὸν· κἂν πῦρ ἀφείναι τις ἐθέλοι τοῖς ὑπάρχουσι μετὰ τῆς οἰκίας πάσης, οὐ παροξύνονται. Πολλοὺς δὲ ἔγωγε οἶδα, μετὰ τὴν τῶν φιλτάτων ἀποβολὴν τοὺς μὲν τὴν ἐν ἀγροῖς δίαιταν τῆς πόλεως ἐναλλαξαμένους καὶ τῶν ἐν ταύτῃ καλῶν, τοὺς δὲ παρὰ τὰ μνήματα τῶν ἀπελθόντων τὰς οἰκίας δειμαμένους, καὶ τὸν βίον ἐκεῖ καταλύσαντας. Ἀλλὰ ταῦτα μὲν ὕστερον· ἕως δ' ἂν ἀκμάζη τὸ πένθος, οὐδενὸς αὐτοῖς τῶν παρόντων λόγος ἐστίν, ἀλλὰ τὴν μανίαν, ἣν περὶ τὴν ἐπιμέλειαν καὶ τὴν συλλογὴν τῶν χρημάτων εἶχον, ἣν περὶ τὴν κτήσιν τῆς δυναστείας καὶ τῆς δόξης τῆς παρὰ τῶν πολλῶν, ὥσπερ τινὰ χόρτον, ἢ καὶ ἄνθος χόρτου, τῇ φλογὶ τῆς ἀθυμίας καταφλέξαντες, ἔρριψαν ἀπὸ τῆς ψυχῆς, καὶ πρὸς τοσαύτην τότε ἢ διάνοια φιλοσοφίαν μεθίσταται, ὡς μηδὲ μέχρι ῥημάτων ἀνασχέσθαι τινὸς τῶν κατὰ τὸν παρόντα βίον ἠδέων, ἀλλὰ πάντα τὰ πρὸς ἠδονὴν εἶναι δοκοῦντα πρότερον προσιστασθαι τε αὐτοῖς καὶ πικρότατα φαίνεσθαι· καὶ οὐδεὶς ἂν οὔτε τῶν οἰκετῶν, οὔτε τῶν φίλων τολμήσειε τότε ὑπὲρ τῶν ἐν τῷ κόσμῳ τούτῳ, καὶ σφόδρα κατεπειγόντων, ῥῆξαι φωνήν· πάντα γὰρ ἐκποδῶν γινόμενα παραχωρεῖ τοῖς περὶ φιλοσοφίαν λόγοις, τῆς ψυχῆς διὰ τοῦ πένθους τότε καθάπερ ἐν ἱερῷ τινι τόπῳ παιδευομένης τῆς ἀνθρωπίνης φύσεως τὴν οὐδένειαν, τοῦ παρόντος αἰῶνος τὸ ἐπίκαιρον, τῶν βιωτικῶν τὸ εὐφθαρτὸν τε καὶ ἄστατον, τῆς σκηνῆς τῶν γινομένων τὴν

невозможно быть подобным Павлу. Другого Павла, по благодати и чудесам, конечно уже не будет никогда, но по строгой жизни может быть таким каждый желающий; а если нет таких, то единственно потому, что не хотят. Впрочем не знаю, как я дошел до такого неразумия, что ищу между нынешними людьми подобных Павлу, когда не могу видеть и таких, которые были бы подобны третьим или четвертым после него. Об этом должно скорбеть, и плакать, и рыдать, не один и не два только дня, но во всю жизнь; потому что кто приведет себя в такое состояние, тот впоследствии не скоро будет грешить. Если не веришь этим словам, то посмотри на плачущих, именно мирским плачем, притом не из числа простых и ведущих трудовую жизнь, но из числа тех изнеженных людей, которые ничего не знают, кроме удовольствий. И эти люди, которые преданы пьянству и объядению, продолжают обеда до вечера и ужины до полуночи, отнимают чужое, не щадят ни вдовы, ни бедного, ни слабого, и показывают великую жестокость; когда бывают объяты сильною скорбию, которая может возмутить и взволновать душу до глубины, отвергают все сладострастные и преступные пожелания и обращаются к любомудрой жизни, отличаясь строгим поведением, бодростью, земными поклонами, терпением, постом, молчанием, скромностью, смирением и великим человеколюбием. Те, которые отнимали чужое, в это время готовы охотно отдать и свое; и хотя бы кто подложил огонь под их дом со всем имуществом, они не будут гневаться. Я знаю много таких, из которых одни, после потери возлюбленных, оставив город и его удобства, поселялись в деревнях, а другие строили себе дома при могилах усопших и там оканчивали жизнь. Но об этом после. Пока печаль их находится в силе, они нисколько не заботятся о настоящем, но ту безумную страсть, с которою они стремились к сбережению и скоплению денег и приобретению власти и славы в народе, попавив огнем скорби, как траву или цвет травы, изгоняют из души, и ум их тогда объемлется таким любомудрием, что им неприятно и говорить об удовольствиях настоящей жизни; но все, что прежде им казалось приносящим наслаждения, уже кажется противным и весьма горьким, и никто из слуг и друзей не посмеет тогда и слова сказать о мирских делах, даже весьма нужных; все оставляется без внимания и уступает место беседам о любомудрии, потому что тогда скорбию, как бы в каком священном месте, душа

ὑπόκρισιν. Ὑπεροψία χρημάτων τότε πολλή, τότε ὀργῆς ἀναίρεσις, τότε ὀλιγωρία φιλοτιμίας, καὶ οὔτε φθόνος ἐμφωλεῦσαι, οὐ τῦφος ἐκβακχεῦσαι τὸν ὑπὸ τοῦ πένθους συντριβέντα δύναιτ' ἄν, οὐκ ἐπιθυμία ἐμπίρησι τὸν ἀκόλαστον, ἀλλὰ πάντων τούτων φυγαδευθέντων ἐκεῖθεν, εἰς μόνος κατοικίζεται λογισμὸς, ὃ τὴν εἰκόνα τοῦ τετελευτηκότος διακρατῶν συνεχῶς· τοῦτο καὶ σῖτα, καὶ ποτὸς, καὶ ὕπνος, καὶ ἡδονή, καὶ ἀνάπαυσις, καὶ παραμυθία πολλή· τοῦτο δόξα, καὶ πλοῦτος, καὶ δυναστεία, καὶ τρυφή.

ι. Οὕτως ἡμᾶς ἐχρῆν τὴν ἀποβολὴν τῆς σωτηρίας τῆς ἡμετέρας πενθεῖν, ἵνα μηδὲν εἶπω πλέον· μετὰ τοσοῦτου πόθου καὶ προθυμίας ἔδει πάντων ἐκεῖ τετάσθαι τὸ ὄμμα τῆς ψυχῆς, καὶ πάντα ἡμῖν τὴν ἐκείνης εἶναι μνήμην καὶ ἀνατύπωσιν. Νῦν δὲ οἱ μὲν παῖδας καὶ γυναῖκας ἀποβαλόντες πρὸς οὐδὲν ἕτερον ἀπασχολοῦσι τὸν νοῦν, ἢ πρὸς τὸ φαντάζεσθαι τοὺς ἀποσπασθέντας αὐτῶν ἡμεῖς δὲ οἱ βασιλείαν ἀπολέσαντες οὐρανῶν, πάντα μᾶλλον ἢ ταύτην διανοοῦμεθα. Καὶ ἐκείνων μὲν οὐδεὶς, κἂν βασιλικωτάτου τύχη γένους, τῷ τοῦ πένθους αἰσχύνεται νόμῳ· ἀλλὰ καὶ ἐπ' ἐδάφους καθιεῖται, καὶ θρηνησεί πικρὸν, καὶ τὴν ἐσθῆτα μεταβαλεῖ, καὶ τὰ ἄλλα πάντα μετὰ πολλῆς ὑποστήσεται προθυμίας τὰ τῆς τιμωρίας ἐκείνης· καὶ οὔτε ἀνατροφήν, οὔτε σώματος ἕξι, οὐ τὰς μετὰ ταῦτα λογιεῖται νόσους, τὰς ἀπὸ τῆς ταλαιπωρίας ἐκείνης, ἀλλὰ μετὰ πολλῆς ἅπαντα οἴσει τῆς εὐκολίας. Καὶ ταῦτα μὲν οὐκ ἄνδρες μόνον, ἀλλὰ καὶ γυναῖκες, κἂν σφόδρα ἀσθενεῖς ὦσιν, ἐπιδείκνυνται, καὶ τούτων πλείονα. Ἡμεῖς δὲ οὐ παῖδας, οὐ γυναῖκας, ἀλλὰ ψυχῆς ἀπώλειαν πενθοῦντες, ψυχῆς οὐκ ἄλλοτρίας, ἀλλὰ τῆς ἡμετέρας, σκηπτόμεθα προφασιζόμενοι σώματος ἀσθένειαν καὶ ἀνατροφῆς ἀπαλότητα. Καὶ εἴθε τοῦτο μόνον ἦν τὸ δεινόν! νῦν δὲ οὐδὲ ἐκεῖνα πράττομεν ἐν οἷς οὐδὲν τῆς τοῦ σώματος ἐνεργείας δεόμεθα. Ποῦ γὰρ, εἰπέ μοι, σωματικῆς χρεῖα δυνάμεως, ὅταν συντριψαί δέη καρδίαν, ὅταν εὐξασθαι νήφοντα καὶ διεγυγερμένον, ὅταν ἀναλογίσασθαι τὰ ἁμαρτήματα, ὅταν καταλύσαι τῦφον καὶ ἀπόνοιαν, ὅταν ταπεινώσαι λογισμὸν; Ταῦτα γὰρ ἐστὶν ἅ καὶ τὸν Θεὸν ἕλωσιν ἡμῖν καθίστησι, καὶ οὐ πολλοῦ δεῖται πόνου· καὶ οὐδὲ ταῦτα πράττομεν. Οὐδὲ γὰρ σάκκου περιβολή, οὐδὲ τὸ ἐν οἰκίσκῳ κατακλεῖσαι ἑαυτὸν, οὐδὲ τὸ καθῆσθαι ἐν σκότῳ, τοῦτο μόνον ἐστὶ τὸ πενθεῖν, ἀλλὰ τὸ διαπαντὸς τὴν μνήμην τῶν οἰκείων

научается ничтожеству человеческой природы, кратковременности настоящей жизни, глениности и непостоянству житейского, обманчивости совершающегося на позорище (мира). Тогда (является) великое презрение к деньгам, тогда истребляется гнев, тогда оставляется честолюбие, и уже не может ни зависть обитать, ни гордость свирепствовать в сокрушенном скорбию, и похоть не разжигает сладострастного; но, по удалении всего этого из сердца, поселяется в нем один помысл, представляющий непрестанно образ умершего. Образ этот (для него) и пища и питье, и сон, и удовольствие, и покой, и великая отрада; это (для него) и слава, и богатство, и власть, и наслаждение.

10. Так и нам надлежало бы, чтобы не сказать чего более, оплакивать нерадение о своем спасении; с такою любовью и готовностью всем должно бы направлять туда очи души и постоянно памятовать и представлять его себе. Между тем как потерявшие детей и жен не занимают своего ума ничем другим, как только представлением отшедших от них; мы, потерявшие царство небесное, думаем обо всем больше, чем о нем. Из тех никто, хотя бы царского был рода, не стыдится обычной печали; но и сядет на землю, и заплачет горько, и переменит одежду, и с великой готовностью подчинится всем прочим требованиям такого горя; не станет думать ни о своем воспитании, ни о состоянии тела, ни о могущих быть впоследствии болезнях от изнурения, но все перенесет весьма легко; такое, и даже большее, терпение выказывают не только мужи, но и жены, сколько бы они ни были слабы. А мы, оплакивая не детей, не жен, но погибель души, души не чужой, но своей собственной, притворно ссылаемся на слабость тела и нежность воспитания. И если бы зло ограничивалось только этим! Но теперь мы не делаем и того, на что нам нисколько не нужна сила телесная. Так, скажи мне, какая нужда в силе телесной, когда надобно сокрушить сердце, помолиться трезвенно и бодро, подумать о грехах, низложить гордость и надменность, смирить ум? Вот что умилоствивляет к нам Бога, не требуя большого труда; а мы и этого не делаем. Плакать (о душе) значит не то только, чтобы облечься во вретнице, заключиться в келье и сидеть в темноте, но постоянно памятовать о своих грехах и мучить совесть этими помыслами, непрестанно измерять то пространство пути, на какое мы отстоим от царства небесного. Как же,

ἀναστρέφειν κακῶν, καὶ βασανίζειν τὸ συνειδὸς
τούτοις τοῖς λογισμοῖς, τὸ συνεχῶς ἀναμετρεῖν τῆς
ὁδοῦ τὸ μῆκος, ὅσον ἀπολειπόμεθα τῆς βασιλείας
τῶν οὐρανῶν. Καὶ πῶς τοῦτο ἔσται; φησί. Πῶς; ἂν
τὴν γέενναν ἔχωμεν ἀεὶ πρὸ τῶν ὀφθαλμῶν, καὶ
τοὺς πανταχοῦ τότε διατρέχοντας ἀγγέλους, καὶ
συνάγοντας ἐκ τῆς οἰκουμένης ἀπάσης τοὺς ἐν τῇ
γεέννῃ ἀπαχθήσεσθαι μέλλοντας· ἂν τὴν
ἐκπτῶσιν λογισώμεθα τῆς βασιλείας, ὅσον κακὸν,
καὶ τῆς γεέννης χωρὶς. Καὶ γὰρ, εἰ μὴ τὸ πῦρ ἐκεῖνο
ἠπεύλητο ἡμῖν, μηδὲ ἀθάνατοι κολάσεις ἡμᾶς
ἔμενον, αὐτὸ μόνον τὸ ἀλλοτριωθῆναι τοῦ
Χριστοῦ, τοῦ πράου καὶ φιλανθρώπου, τοῦ
παραδόντος ἑαυτὸν ὑπὲρ ἡμῶν εἰς θάνατον, καὶ
πάντα παθόντος, ἵνα ἡμᾶς ἐξαιρηθῆται τῆς
κολάσεως ἐκείνης, καὶ καταλλάξῃ ἡμᾶς τῷ ἑαυτοῦ
Πατρὶ ἐχθροὺς ὄντας τοῖς πταιίσμασιν, εἰ καὶ μὴ
τῶν προκειμένων ἐκείνων ἀνεκλαλήτων ἀγαθῶν
καὶ ἀθανάτων ἐκπίπτειν μέλλομεν, πάσης
κολάσεως μεῖζόν ἐστι, καὶ ἱκανὸν διεγείραι ψυχὰς,
καὶ πείσαι νήφειν διαπαντός. Εἰ γὰρ
ἀναγινώσκοντες μόνον τὸ ὑπόδειγμα τῶν πέντε
παρθένων, ἃς ἔξω τοῦ νυμφῶνος ἢ τοῦ ἐλαίου
σπάνις ἀπέκλεισεν, ἐξ ἰσῆς ἐκείναις αὐταῖς
ἀλγοῦμεν ἐπὶ τοῖς ἐκείνων κακοῖς, καὶ
θορυβοῦμεθα· ἂν ἐννοήσωμεν ὅτι καὶ αὐτοὶ τοῦτο
πεισόμεθα ῥαθυμήσαντες, τίς οὕτως ἔσται λίθινος
λοιπὸν, ὡς, τοῦ παραδείγματος αὐτὸ τοῦτο
συνεχῶς στρέφοντος τὴν ψυχὴν, εἰς ὀλιγωρίαν
ἐμπεσεῖν; Ἐνὴν μὲν οὖν καὶ εἰς μεῖζόν μῆκος
ἐκτείνει τὸν λόγον, ἀλλ' ἐπειδὴ μόνον ὑπακοῆς
καὶ οὐκ ἄλλης χρείας ἔνεκεν ἡμῖν εἴρηται, καὶ
ταῦτα πέρα τοῦ δέοντος γέγραπται. Εὐ γὰρ οἶδα
ὅτι πᾶσαν τῆς κατανύξεως τὴν ἀρετὴν αὐτός τε
ἔχεις ἀκριβῶς, καὶ ἄλλοις ἂν μεταδοίης καὶ
σιωπῶν, ἂν μόνον βραχὺ τῇ εὐλαβείᾳ συζηῆσαι
ἀξιωθεῖεν τῇ σῇ, καὶ τὸν ἐσταυρωμένον βίον ἰδεῖν.
Ὡστε εἰ χρὴ κατάνυξιν μαθεῖν τοὺς μὲν νῦν
ζῶντας, εἰς τὸ σὸν βαδίζειν δεῖ καταγώγιον· τοὺς
δὲ μετὰ ταῦτα, ἀκούειν τὰ σά· πολλὴν γὰρ οἶμαι
ῥοπήν παρῆξειν πρὸς τοῦτο τὴν διήγησιν μόνον
τοῦ βίου τοῦ σοῦ. Διὸ δέομαι καὶ παρακαλῶ τὴν
ἀμοιβὴν ἡμῖν ἀποτίσαι λοιπὸν, καὶ τὰς εὐχὰς
ἀντιδοῦναι τὰς σὰς, ὥστε μὴ λέγειν περὶ
κατανύξεως μόνον, ἀλλὰ καὶ διὰ τῶν ἔργων τὸ
πρᾶγμα ἐπιδεικνυσθαι τοῦτο· ἐπειδὴ τὸ διδάσκειν
ἄνευ τοῦ ποιεῖν, οὐ μόνον κέρδος οὐδὲν, ἀλλὰ καὶ
ζημίαν πολλὴν καὶ κατάκρισιν φέρει τῷ μετὰ
τοσαύτης ἀπροσεξίας διοικοῦντι τὸν βίον τὸν
ἑαυτοῦ. Οὐ γὰρ πᾶς, φησὶν, ὁ λέγων μοι, Κύριε,
Κύριε, ἀλλ' ὃς δ' ἂν ποιήσῃ καὶ διδάξῃ, οὗτος μέγας
κληθήσεται ἐν τῇ βασιλείᾳ τῶν οὐρανῶν.

скажут, этому быть? Как? Если мы будем всегда
иметь пред глазами геенну и ангелов, которые во
время (суда) разойдутся повсюду и соберут со
всей вселенной имеющих быть отведенными в
геенну; если станем размышлять, какое великое,
и без геенны, наказание лишиться царства.
Поистине, если бы даже не угрожал нам тот
огонь и не ожидали нас вечные наказания, то
одно отлучение от кроткого и человеколюбивого
Христа, за нас предавшего Себя на смерть и
претерпевшего все, чтобы избавить от того
мучения и примирить с Отцом Своим нас, быв-
ших по грехам врагами Его, одно это, хотя бы
мы и не лишились предлежащих неизреченных
и вечных благ, больше всякого наказания в
состоянии и пробудить души и расположить к
постоянной бдительности. Если мы, только
читая пример пяти дев, которые изза недостатка
ея отлучены были от брачного чертога (Мф.
25:812), скорбим об их несчастьи наравне с ними
самими и смущаемся, то при одной мысли, что и
мы сами подвергнемся тому же за беспечность,
кто (из нас) будет настолько каменным, чтобы,
постоянно имея в душе этот пример, преда-
ваться нерадению? Можно бы распространить
слово и более, но так как оно сказано нами
только из послушания, а не по другой нужде, то
и написанного больше, чем требовалось. Мне
хорошо известно, что ты сам строго содержишь
всю добродетель сокрушения, и мог бы, даже
молча, учить ей и других, если бы они пожелали
хотя недолго пожить с твоим благочестием и
видеть твою крестную жизнь. Так, если нашим
современникам нужно учиться сокрушению, они
должны идти в твою жилище, а потомки
слушать о твоих делах; великое, я думаю,
руководство к этому доставит один рассказ о
твоей жизни. Посему прошу и умоляю, наконец,
вознаградить нас и воздать своими молитвами,
чтобы мне не только говорить о сокрушении, но
и оказывать его делами; потому что учительство
без дел не только не доставляет никакой пользы,
но даже приносит великий вред и осуждение
тому, кто проводит жизнь свою в такой
беспечности. "Не всякий", говорит (Господь),
"говорящий Мне: Господи Господи, а кто
сотворит и научит, тот великим наречется в
Царстве Небесном" (Мф. 5:19; ср. 7:21).